

АЛЕКСАНДР ТЕСТОВ
ТАТЬЯНА СМИРНОВА



ПОКОЙНИКИ
В ДОЛЕ



Большой Приз

Александр Тестов
Покойники в доле

«Автор»

2010

Тестов А.

Покойники в доле / А. Тестов — «Автор», 2010 — (Большой Приз)

Мужчина и женщина. Оба из XXI века. Разными путями и в разное время оказались в кипящем котле XVII века – Карибском море. Они не знали о существовании друг друга... до поры. Одна цель свела их вместе – Большой Приз. Клад – несметные сокровища, спрятанные на затерянном острове посреди Карибского моря. Беда только в том, что о кладе знает слишком много людей...

© Тестов А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава первая	17
Глава вторая	22
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тестов, Татьяна Смирнова

Покойники в доле

*Будем живы. Когда-то закончится время потерь.
Будет ветер попутный твоим каравеллам до самого Рая.
Только, знаешь ведь, счастье возможно лишь здесь и теперь.
Только об руку с болью. И только у самого края.
Ни в грядущем, ни в минувшем – нет там алмазных небес.
Если только в Раю... Но вот нас там не очень-то ждут.
Мы живем ожиданием удачи, любви и чудес.
Но уходят года. И когда-нибудь вовсе уйдут.
Будем живы. Когда-то закончится время потерь.
В Райской гавани встанем на якорь в назначенный час.
А пока будем живы и веселы здесь и теперь.
А алмазы в Раю пусть подольше сияют без нас.*

Пролог

Лондон, Британская Империя, апрель 1685 год (за год до описанных событий в первой книге)

Она ровным счетом ничего не понимала, кроме того, что происходит что-то странное, что не укладывалось ни в какие рамки логики и здравого смысла. В очередной раз открыв глаза, и обнаружив над собой все тот же низко нависающий потолок в пятнах сажи, а рядом, на одном тюфяке, под одним одеялом в ужасных пятнах все ту же старуху с педикулезом... кстати, пятно от рвоты так и не застирали... Она в очередной раз зажмурилась в ожидании, что сейчас блаженное беспамятство уберет этот кошмар. Но сознание уже крепко знало дорогу в ее совершенно здоровое тело (за исключением большой шишки на голове), и обморока не получилось. Волей-неволей пришлось как-то осваиваться с действительностью. А что делать? Судьба, рок, фатум – сколько красивых названий, в сущности для одной большой ж... Она красноречиво выругалась, хотя это было и не положено актрисе. Хотя, что только не может актриса. Настоящая актриса может все! Она задумалась, но не надолго.

Мерзкий запах мочи, рвоты и немых тел, осадил полет фантазии и укоротил размах философии. Все это непотребство наводило на мысли о ночлежке, той, где коротают досуг бездомные бродяги. Но как она оказалась в ночлежке? Ушиб головы лишил ее сознания, но не памяти. Девушка отлично помнила, что не падала на улице, все произошло в театре, на репетиции. Не могли же коллеги по сцене выкинуть ее на тротуар?

Хорошо, допустим, они вызвали «скорую помощь» и та отвезла ее в больницу. В очень плохую больницу. Ту, где врачи пьют, зам по АХЧ ворует, а медсестрам на все плевать. Но даже в очень плохой больнице должна быть хотя бы одна электрическая лампочка на палату. Не может быть, чтобы в наше время помещения освещались... вот этим...

«Вот это» стояло на небольшом столике у входа и слегка напоминало керосиновую лампу «летучая мышь», которую девушка еще в детстве как-то обнаружила на чердаке бабушкиного старого деревенского дома. Только эта лампа была совсем новая, почищенная, и керосином от нее не пахло.

Дверь была деревянной, плохо струганной, очень низкой. Она напоминала подвальную, но над самой притолокой висела картина. Вернее, не картина. Икона. У мужика был нимб над

головой. Самого святого, девушка, конечно, не узнала, с этой стороны в ее образовании был большой пробел.

Она сильно замерзла. Прижиматься к педиклезной старухе не было никакого желания, и девушка попыталась осторожно сеть и оглядеться, чтобы попробовать найти если не калорифер, так хотя бы дополнительное одеяло. Или кого-нибудь, у кого можно это одеяло попросить. А лучше сразу – свою одежду, и домой. Дома, конечно, тоже мало хорошего, но хоть тепло и вши по одеялам не ползают.

– Брр... – при упоминании этих мерзких тварей, она вздрогнула, и брезгливо скинула одеяло.

Ее движение заметили. Она поняла это, когда на нее уставились сразу две пары любопытных глаз. Одни принадлежали девчужке лет семи, а другие... мужчине.

– Простите, – сказала она, – вы не подскажете, как найти медсестру?

Любопытные глаза округлились.

– What? What is she mumbled about?¹

Давно и хорошо знакомый английский язык девушка не признала. Слова мужчины прозвучали как какая-то неведомая тарабарщина. Может, виной всему был его акцент? Или парочка выбитых зубов?

«...Откуда в такой ужасной больнице иностранец?»

– Эй! – громко позвала она, – кто-нибудь тут может мне ответить?

Старуха рядом завозилась и попыталась натянуть тонкое одеяло на себя.

– Why do you scream?² – спросил мужчина. На этот раз она его почти поняла.

– Я хочу пить, – ответила девушка, с некоторым трудом припоминая слова языка, которым не пользовалась уже почти год.

– Здесь все чего-нибудь хотят, – пожал плечами мужчина.

– А где я? Это больница?

– Больница... Больница святого Луки, прихода Уэрствуд, – пояснил мужчина, – плохое место. Вчера тут умерли трое. А позавчера вынесли сразу пятерых. Черная оспа. Плохое время для тех, у кого нет ни пенни.

– Подождите, – девушка помотала головой, – подождите, вы хотите сказать, что... Но ведь оспы давно нет!

– Давно не было, – согласно кивнул мужчина, – в последний раз она навещала эти места лет пятнадцать назад. Тогда тоже многие умерли. Целые улицы стояли пустые. Но что же тут поделывать? Бультон – город торговый, все его богатство – корабли. Море приносит фунты и шиллинги, оно же приносит и оспу. Должно быть, какой-то больной моряк сошел на берег. А ты, наверное, счастливица. Давно здесь лежишь, а вперед ногами пока не вынесли. Значит, не берет тебя оспа?

– Мне же прививку сделали, – машинально ответила девушка, – когда мы собирались на гастроли по странам Азии. И от оспы, и от холеры, и от кучи других болезней, которых уже давно нет... Но, я не понимаю... при чем тут море?

– Странно ты говоришь, – покачал головой мужчина, – вроде по-нашему, но ничего не понять.

– Кто бы тут вообще что понял, – пробормотала девушка. Она уже совсем, было, решилась поискать свои туфли, да попытаться выйти наружу, чтобы позвать хоть кого-нибудь из персонала этой странной больницы, когда открылась дверь с низкой притолокой, и в комнату, сильно пригибаясь, шагнул еще один мужчина. Молодой, с бледным, вытянутым лицом, в черном, наглухо застегнутом костюме, состоявшем из длинного приталенного пиджака и сильно

¹ Что? Что такое она бормочет? – *англ.*

² Что ты кричишь?

зауженных брюк, заправленных в высокие сапоги. Весь его облик наводил на мысли о театре. Какой-нибудь статист из труппы? Тогда почему она до сих пор ни разу его не видела?

Увидев ее полусидящей, мужчина заторопился.

– Хорошо, что вы пришли в себя, – быстро проговорил он, подходя ее постели, – нам нужно как можно скорее покинуть это место.

Едва он открыл рот, девушка испытала второй шок, едва ли не сильнее первого. И этот тоже говорил по-английски! Правда, куда более правильно и понятно, чем ее недавний собеседник, но это было слабым утешением.

– Одевайтесь, – велел он. Только тут девушка заметила, что у него в руках какие-то вещи. Мужчина бросил их на одеяло, выпрямился и чуть громче, чем следовало, добавил, – Поторопитесь, Элеонора. Нас ждет экипаж.

Элеонора?..

– Но я не...

– Вы справитесь сами, или прислать Малону, чтобы она вам помогла? – мужчина наклонился... и вдруг прошептал, почти не разжимая губ, в самое ухо, – Вам что, здесь нравиться? Если хотите, то можете остаться. Но тогда ни я, ни кто другой и пальцем не шевельнут, чтобы вам помочь.

Что ж, определенная логика тут была. Не раздумывая больше о том, за кого ее приняли, и куда собираются везти (вряд ли там будет хуже, чем здесь), девушка принялась торопливо разбирать узел с вещами. Мужчина в черном деликатно отвернулся, а ее недавний собеседник и не подумал. Впрочем, ей было все равно. Актерам частенько приходится переодеваться очень быстро, на глазах друг у друга, когда сцены идут одна за другой, и нет времени искать укромный закуток.

Она торопливо разобрала принесенную одежду, стараясь, чтобы вещи как можно меньше соприкасались с грязным одеялом. Тут были длинные, очень теплые шерстяные чулки с подвязками, которые она натянула с огромным удовольствием, потому что сильно озябла. В том, как их закрепить на ногах, не было ничего хитрого – просто крепко завязать над коленями. Следующей оказалась, довольно неуклюжая и тяжелая, условно-белая, застиранная рубаша почти до икр, такая же длинная темно-коричневая юбка, корсаж, в который при желании можно было упаковать еще одну такую же субтильную девицу, и страшно неудобные туфли с лентами. Мало того, что они были размера на два больше нужного, так еще и оказались сильно стоптанными внутри. Ну, да, небось, не свалятся, и не всю оставшуюся жизнь ей в них ходить. Больше всего ее обрадовал огромный, толстый шерстяной платок, в который она закуталась с носом, едва не мурлыча. Последним предметом гардероба оказался... чепчик. Живо представив себе, каким чучелом будет в нем выглядеть, девушка уже хотела гордо проигнорировать головной убор. Но вспомнила о педикулезе и быстро натянула страшный чепчик на зудящую голову. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь на улице увидел, как по ней вши ползают.

– Я готова, – сказала она. По тому, как удивленно вскинул брови обернувшийся мужчина, девушка сообразила, что сделала что-то не то. Но поправлять ее он не стал. Просто пожал плечами и бросив:

– Следуйте за мной, – пошел по проходу.

С невыразимым облегчением она поспешила за ним, покидая место, которое ей больше чем просто не понравилось.

Это и впрямь оказался подвал. Поднявшись по узкой деревянной лестнице вверх, они толкнули дверь. Колокольчик над ней не звякнул, а лишь глухо стукнул, так как шедший впереди мужчина придержал его ладонью. Скрипнула в петлях тяжелая дверь, выпуская их на узкую улочку, со всех сторон сдавленную глухими каменными стенами.

На улице стояла ночь. Тонкий серп луны застенчиво серебрился над крутыми крышами, едва не цепляясь за торчавшие трубы. Воздух был свеж и упоительно сладок.

– Где мы? – опешила девушка.

– В районе доков, – бросил мужчина, не вдаваясь в подробности. Видимо, решил, что ей и так все понятно. Но возражать она не стала. И не потому, что согласилась, а потому что едва не упала в обморок от изумления: их ждала самая настоящая карета с запряженной лошадью. Лошадь переступала с ноги на ногу и вела себя беспокойно. Возможно потому, что на козлах никого не было. Немногословный сопровождающий распахнул перед ней дверцу кареты и подал руку, помогая взобраться в высокий, и довольно-таки неудобный экипаж. Едва она разместилась на жестком сидении, он захлопнул дверцу и через мгновение стукнули копыта, карета дернулась и куда-то двинулась.

Ехали достаточно долго. Куда? Она не имела ни малейшего понятия. Окна в карете были занавешены плотными шторками. Пару раз она их отодвинула, чтобы хоть как-то сориентироваться, но быстро опустила снова, и в полуобморочном состоянии откинулась на деревянную спинку. В неверном свете умирающего месяца она увидела аккуратный ряд приземистых зданий, каменных, с узкими окнами, закрытыми глухими ставнями, толстые решетки оград, круглые арки и тонкий шпиль какого-то культового сооружения, и низкий горбатый мостик через какую-то канаву. Ничего общего с ее родным городом.

Вдобавок, в карете укачивало.

* * *

– Ну и как?

– Блаженство, – промурлыкала она, медленно скользя ладонями по голым плечам. Вода была восхитительно горячей, замечательно мокрой и обалденно чистой.

– Подлить еще горячей?

– Да нет, хватит. Иначе я в вареную рыбку превращусь.

– В рыбку не надо, – улыбнулся Джаспер, – рыбки – существа молчаливые, а тебе говорить нужно.

– Говорить? Я плохо говорю?

– Хорошо говоришь. Только немного не так, как у нас. Так в Лондоне говорят. В Оксфорде. Здесь север. Ты должна говорить так, словно здесь родилась и всю жизнь прожила. И времени у нас мало.

– Мало – это сколько?

– Не знаю... Так что нужно торопиться.

Большую лохань, которую ученик доктора назвал ванной, он сам принес на второй этаж небольшого домика, сам нагрел воды. И выдал ей большую банку какой-то вонючей мази, от вшей. А еще целомудренно прикрыл ее вместе с лоханью большой простыней.

Они оказались ровесниками. Джаспер точно так же рано потерял отца, был вынужден пробиваться в жизни сам. Доктор Уиллмор взял его в ученики.

– Правда, учиться у него особо нечему, – делился Джаспер, – умеет только кровь пускать да клизмы ставить.

– Как же он лечит? – удивилась гостья.

– А так и лечит: если пациент выживет, принимает гонорар с улыбкой. А если умрет, то с выражением неизбывной скорби на благородном лице.

– А ты циничен, – заметила она.

– Как все лекари. Когда делаешь вскрытие и вынимаешь из распотрошенного тела шесть ярдов кишок, полных дерьма, довольно трудно продолжать верить, что человек создан по образу и подобию Господа.

– Ну, существует еще версия, что человек произошел от обезьяны путем эволюции, – неосторожно брякнула она.

К ее удивлению, Джаспер задумчиво покивал, скорее соглашаясь, чем возражая.

– Да, в этом определенно, есть что-то правильное.

– Я думала, что за такие высказывания здесь казнят.

Джаспер снисходительно улыбнулся:

– В Англии вешают только убийц, воров и пиратов. Думать и говорить можно все что угодно. Главное – ничего не делать.

– Но как же ты собираешься выучиться на доктора, если твой учитель – полный профан?

– Профан. Но у него есть хорошие книги. И время от времени он дает мне их почитать.

Джаспер мечтал заработать денег и отправиться учиться в Германию, в самый лучший университет мира.

В камине потрескивали поленья, их красноватый, пляшущий свет разгонял предутренний мрак. Экономя деньги, которых было совсем немного, Джаспер не зажигал свечей. За единственным окном, узким, похожим на бойницу и сейчас закрытым плотными ставнями, просыпался портовый город Бультон, Англия... семнадцатый век. Поверить в это было трудно. Но не верить собственным глазам, ушам и прочим органам чисто вымытого тела – еще труднее.

– Ты хоть что-нибудь помнишь из своего прошлого?

Девушка покачала головой:

– Почти ничего...

С молодым учеником лекаря было очень легко, почти как со старым приятелем, но девушка все же остереглась обрушивать на парня сногсшибательные сведения о том, что она – эмигрантка во времени. Сославшись на ушиб головы, она довольно убедительно разыграла сцену амнезии: ничего не помню, ничего не знаю, ах как кружится голова ... Джаспер внимательно осмотрел ее зрачки и поверил. Возможно потому, что голова и в самом деле кружилась, да и подташнивало. Видимо, сотрясение мозга все-таки имело место быть. Ну что ж, Слава сотрясению!

– Имя-то хоть свое помнишь?

– Имя?... Да, имя помню. Меня зовут...

– Ты уж лучше и его забудь, вместе со всем остальным, – посоветовал Джаспер, – зовут тебя Ирис. Ирис Нортон. Ты – самая богатая наследница севера Британии. Твой отец – Альфред Нортон, владелец нескольких торговых кораблей и мануфактур. После отмены налога на ситцы стал очень богатым человеком. Мать звали Энни. Она умерла пятнадцать лет назад от Черной оспы... все же удивительно, что оспа не тронула тебя. Может быть, ты когда-то переболела? Но следов нет... Подруг у тебя почти нет. Отец часто брал тебя с собой в плавания, так что здесь ты не успела ни с кем подружиться. Разве что с дочкой судьи Бэрта, кажется, Кэти. За прошлую неделю эта шустрая мисс раз тридцать спрашивала о твоём здоровье. Насколько я знаю, ты пока еще не помолвлена, так что в ближайшее время замужество тебе не грозит.

– И то – хлеб, – фыркнула девушка. Она старательно запоминала все, что говорил ей Джаспер, так, словно примеряла на себя новую роль, вживаясь в другого человека, в его особенности характера, привычки, прикладывала к себе чужую жизнь, соображая, как «сядет». Но душу все равно грыз червячок сомнения.

– А что же будет с ней? С настоящей Ирис Нортон?

– Она умрет. В ближайшие дни или даже часы, – Джаспер присел на стул рядом с лоханью, внимательно глядя в глаза своей гостье и сообщнице, – если бы можно было что-то сделать, я бы сделал. К сожалению, ей уже ничем не помочь. Но ведь это же не повод, чтобы не помочь тебе? Ну и себе тоже...

– Вот как?

– Именно так.

– Мне кажется, что я краду чужую жизнь.

– Ты дашь смысл жизни и счастье хорошему человеку, который все последние дни сходит с ума. У него будет дочь, у тебя – отец, дом и будущее. Что в этом плохого?

– Не люблю обманывать.

– А как же ложь во спасение?

Девушка опустила голову.

– Я замерзла, – сказала она.

Джаспер осторожно снял простынь, держа ее между собой и девушкой и, едва она выбралась, закутал ее по самый нос. Да так ловко, что даже не прикоснулся к ее телу.

– Иди к камину, грейся. И подумай вот о чем: у тебя ничего нет. Ни денег, ни друзей, ни дома. Чем ты будешь зарабатывать на жизнь? Может быть, конечно, тебе удастся устроиться в гувернантки. Ты знаешь французский язык?

– Нет... моим вторым был испанский.

– Ну, здесь это никому не нужно. На клавесине играть умеешь? Рисовать? Преподавать манеры, этикет?

– Шутишь?

– Ну вот видишь, – ее спаситель безнадежно развел руками, – ты ничего не умеешь...

– Я умею танцевать, – вдруг перебила его будущая Ирис. Ей от чего-то стало не по себе.

Ну, как это она ничего не умеет – стыдно.

– Да, – протянул Джаспер, приподнимая брови. – Покажи.

– Ха. Щас, – она фыркнула, поудобнее подобрала широкую простыню и изобразила дискотечный денс.

Она так забавно прыгала и скакала, одной рукой прижимая грудь, а другой выводя волны, что Джаспер не смог удержаться от смеха.

– Хватит. Прошу тебя... ха-ха... это смешно... уф, и никуда не годиться.

Она оборвала музыку в своей голове и унца-унца остановилась.

– Что? Не очень? – девушка мотнула головой, откидывая мокрые волосы с лица.

– Интересно где тебя так научили... мм, кривляться?

– Чтобы ты понимал, – она резко крутанулась на пятках, демонстративно отворачиваясь от собеседника.

– Ну и куда ты пойдешь, с такими умениями? – Джаспер унял смех и вновь стал серьезным. – В уличный балаган? В дом мамы Ренарс?

– Это кто еще такая?

– Тебе лучше не знать. Хотя если не хочешь быть Ирис, я могу тебе объяснить...

– Я поняла. Не надо.

– Еще можно на мануфактуру к тому же Нортону? Чтобы через пять лет умереть от чахотки в той же больнице для бедных, из которой я тебя вытащил? И какой смысл в этом подвиге?

Новоявленная Ирис Нортон, самая богатая наследница и прочее опустила голову. Смысла и впрямь не было.

– Пошли к огню, – Джаспер прервал свои нравоучения, заметив, как задрожали ее губы. – Иди, я принесу тебе одежду.

Девушка вскинула веки.

– Чистую одежду... – повторил он.

Она повиновалась и прошлепала еще мокрыми ногами к камину. Девушка умастилась на старом протертом кресле и зябко поджала ноги. От огня шло чертовски приятное тепло. Камин почти не дымил...

Джаспер вскоре вернулся. Он деликатно положил ей на колени платье.

– Не новое конечно... но вскоре у тебя будет наряд достойный наследницы Нортонов.

Она поблагодарила его кивком головы, и Джаспер, соблюдая приличия, вышел, давая ей возможность переодеться.

– Готово, – громко позвала девушка, закончив облачение.

Платье пришлось ей в пору. Совсем простое, наверное, именно такое носили тут простолюдинки. Так или примерно так подумалось новоявленной Ирис.

– Продолжим, – сказал неумолимый Джаспер. Он прошел к камину и устроился на табулете. – Ты побывала почти во всей Европе, в Италии даже жила, у вас там шикарная вилла на побережье. Была в Индии. У тебя много друзей среди моряков с отцовских кораблей, все они любят тебя, как собственную дочь.

– Постой, но как же... я ведь никого из них не знаю в лицо, – испугалась девушка.

– И не надо. Я предупрежу твоего отца, что сильная лихорадка, похоже, повлияла на твой мозг, и ты не узнаешь людей. Кстати, будешь надевать платок, так больше не завязывай.

– А как? – удивилась девушка.

– Я покажу.

* * *

К «родному» дому они подъехали в четыре часа утра. Осторожно, словно пробирались по территории, занятой врагом. Экипаж оставили у высокой ограды, довольно далеко от самого дома. Джаспер нашел едва заметную в сумерках калитку и, к удивлению девушки, отпер ее своим ключом. Она решила не уточнять, откуда ключ у скромного ученика лекаря. Мало ли? Может быть, у него здесь невеста. Похоже, они оказались где-то на задах особняка Нортонов. Из под ног, круто вверх уходила тропинка, обсаженная ровно постриженным боярышником и уже через несколько шагов разворачивалась широкой гравиевой террасой, первой из трех. Терраса была обнесена низеньким заборчиком, а по всему периметру в огромных вазонах, украшенных лепниной, темнели можжевельники, и еще какие-то голые кусты. Дом был выстроен на вершине холма, и, задрав голову вверх, девушка разглядела лишь крутую крышу с высоченной каминной трубой. Если судить по крыше, то дом был очень большим.

– Здесь раньше была монастырская ферма, – пояснил Джаспер, – но шестьдесят лет назад ее купил первый господин Нортон и перестроил под дом. Ваш отец родился уже здесь.

Они поднимались по лестнице, выложенной камнем, мимо ровных квадратиков дерна, уложенных рядами и аккуратно разделенных гравиевыми дорожками с обелисками. Первую террасу сменила вторая, еще более просторная: здесь уже стояли низенькие скамеечки и небольшая итальянская беседка с круглой крышей. Отсюда открывался изумительный вид на многолетние луга. Они простирались сразу за оградой на много миль. Здесь росли дикие бледно-желтые нарциссы, лилии, пурпурный ятрышник и первоцвет, из которых издавна делают вино в английских деревнях. Впрочем, сейчас было не то время года, да и не то время суток, чтобы любоваться лугами. Горизонт слегка просветлел, но низину заволокло молочно-белым туманом, который быстро поднимался и уже скрыл первую террасу.

– Поторопимся, – бросил Джаспер, – иначе опрокинем здесь какой-нибудь псевдо-греческий горшок, шуму наделаем.

Внезапно в ладонь девушки ткнулось что-то мокрое и холодное. Она сдавленно вскрикнула и обернулась. Сзади, темной тенью, стоял огромный лохматый пес ярко-рыжего окраса, со стоячими ушами, вытянутой мордой, широкой грудью и пышным хвостом-метелкой. Этот хвост сейчас усиленно мотался из стороны в сторону, а внимательный взгляд карих глаз, казалось, излучал доброжелательное любопытство.

– Не бойся. Это Дафна. Она любит всех подряд, даже мальчишек, которые лазают в сад за ягодами. Нортон привез ее из Шотландии, надеялся сделать сторожевую собаку. Только из Дафны сторож как из соломы – гвоздь.

Джаспер потрепал собаку по загривку, и та немедленно плюхнулась на спину, подставляя живот на предмет – почесать.

– А что там? – спросила девушка, указывая на низкое вытянутое строение с покатою крышей.

– Конюшни, – ответил Джаспер спокойно, как о само собой разумеющемся.

– А... она... то есть я – умею ездить верхом?

– Конечно. Все умеют ездить верхом.

– Я не умею, – призналась девушка.

– Как это? – по-настоящему удивился Джаспер.

– Ну, как-то не случилось, – туманно ответила она.

– Хм... Ну, ладно. Пока от тебя все равно никто не потребует, чтобы ты садилась на лошадь. А потом что-нибудь придумаем. Можешь же ты после тяжелой болезни внезапно разлюбить верховую езду.

– Ох, чует мое сердце, завалю я этот спектакль, – пробормотала девушка.

– А вот это брось. Если у тебя такие мысли, то, конечно, ничего не получится. Думай о хорошем и ничего не бойся.

В сопровождении Дафны, радостно вилявшей хвостом, они достигли задней, каменной стены дома. Он и впрямь был огромен, или казался таким вблизи, от того что все остальные постройки были гораздо меньше, и лепились к нему, как цыплята к боку наседки. В дом «заговорщики» вошли черным крыльцом, через кухню, которая ничем не напоминала знакомые девушке кухни ее времени: никакого тебе дизайна, никакой красоты и уюта. Подсобка – и подсобка. Очаг, несколько перевернутых горшочков, правда, чистых, посередине большой разделочный стол, а по стенам развешены сита, шумовки, половники и прочий нужный скарб. Пословицу: «кухня – сердце дома» явно еще не придумали.

В доме все спали, поэтому им беспрепятственно удалось подняться на второй этаж по узкой темной лестнице – девушка крепко держалась за руку Джаспера и больше всего опасалась споткнуться и упасть, перебудив весь дом. Хоть ее проводник и уверял, что никакой опасности нет, ей казалось, что он говорит это специально, чтобы ее подбодрить, а в глубине души и сам далеко не уверен в благополучном исходе их общего приключения.

Спальня была освещена единственной свечой, горевшей на низком столике рядом с монументальным сооружением из черного дерева, с колоннами, украшенными фигурной резьбой. Спинка напоминала невысокий забор, и девушка даже не сразу поняла что это – кровать.

– Не беспокойся, – сказал Джаспер, по-своему истолковав колебания девушки, – ее здесь нет. Я обо всем позаботился.

– А где она?

– Если есть рай, то она, безусловно, среди ангелов. Она была хорошей девушкой. Доброй. Все ее здесь любили.

– Когда она умерла?

– Сегодня. Во втором часу ночи. Даю слово, а если тебе мало, то могу поклясться, я сделал все что мог, чтобы она осталась с нами. Я ведь тоже ее любил. Хороших людей мало...

– А что стало с ее телом?

– Его сожгут сегодня на рассвете, как поступают со всеми, кто умер от оспы. Это правильно. Мы не должны давать болезни лишних шансов, их у нее и так слишком много.

– Как-то это несправедливо, – пробормотала девушка, – она должна лежать на семейном кладбище, чтобы родные и друзья смогли ее навещать.

– У родных и друзей будет живая Ирис, это куда лучше, чем могилка с цветочками, – отрезал Джаспер, – а мертвому телу все равно.

– Откуда ты знаешь? – вскинулась девушка.

– Как говориться, чтобы у тебя было столько фунтов, сколько мертвецов я видел и сам, лично, резал. И ни разу не нашел ничего, даже отдаленно похожего на душу. Значит, в момент смерти она в самом деле покидает тело. А кусок плоти чувствовать не может. Тем, кто думает иначе, стоит перестать есть бифштексы.

– Ты все-таки просто невероятно циничен, – пробормотала она и с любопытством огляделась.

Спальня располагалась под крышей, и потолок круто уходил вверх. Над головой нависали темные от времени потолочные балки. Стены были зашиты деревянными панелями с крупной резьбой: не только дань моде, но и, как сообразила девушка – вполне рациональное решение. Дерево лучше хранило тепло, это было важно в доме, где не могло быть центрального отопления. Высоко, почти у самого потолка, висели несколько картин, но что они изображали, девушка не разглядела. Напротив монументальной кровати, где вполне поместилась бы волейбольная команда (детская – даже с комфортом), стояло трюмо: большое зеркало в резной раме, столик – куча ящичков, гнутые ножки, два стула со светлой обивкой, небольшой, массивный комод, напоминающий симпатичного слоненка. Бельевого шкафа не наблюдалось. Должно быть, одежду тут в спальне не хранили. А где ее хранили? Ладно, разберемся. На полу лежал толстый ковер, но все равно снизу тянуло холодом.

– Она умерла прямо здесь? – спросила девушка.

– Не беспокойся, – повторил Джаспер, – мы уже выяснили, что к оспе ты невосприимчива. Но все белье я поменял, прежние кривая Маргарита сожгла.

– Что... мне нужно делать?

– Сейчас – спать. Утром я сообщу отцу радостную весть, что кризис миновал. Спокойной ночи, мисс Нортон. И – со счастливым выздоровлением.

* * *

Бал в честь чудесного выздоровления самой богатой наследницы севера Британии решено было устроить в особняке Ченнефилд. То количество гостей, которое на радостях пригласил мистер Нортон, просто не поместилось бы ни в одном зале Бультона. Разве что в ратуше... Обнаружив это обстоятельство буквально накануне бала, Альфред растерялся, но Кэти Бэрт, которая в последнее время только что не ночевала в доме лучшей подруги, уверенно улыбнулась и сказала, что все уладит. Причем, и в самом деле – уладила. Причины особого расположения виконта к дочери судьи уходили еще в те времена, когда молодой юрист Бэрт отстоял права молодого дворянина на титул и поместье. Впрочем, сейчас об этом уже мало кто помнил. Кэти была вхожа в избранный круг – и точка. Сейчас это обстоятельство оказалось как нельзя более кстати.

Альфред, который принес дочери радостную новость, был изрядно удивлен, увидев, как лицо ее залила бледность, а улыбка, появившаяся на нем мгновение спустя, показалась отцу несколько натянутой. Впрочем, странности он привычно списал на последствия тяжелой болезни. Их у дочери хватало, и эта была еще не самой большой. По сравнению с первыми днями после выздоровления, когда Ирис глядела широко открытыми и не узнающими глазами на людей, которые были рядом с ней с самого ее детства, путала имена и мучительно долго обдумывала ответ на простейший вопрос, внезапная бледность была пустяком. Альфред выбросил его из головы раньше, чем поднялся по лестнице на второй этаж.

А вот Ирис предстоящий бал добавил беспокойства. Она едва дождалась, пока широкая спина мистера Нортон не исчезнет за поворотом длинной витой лестницы, и опрометью кинулась наружу.

Она уже довольно хорошо знала дорогу через сад до задней калитки, потом через луга, опушкой леса к большому приземистому дому Бэртов.

– Кэти! – крикнула она, оказавшись во дворе судейского дома. В окне показалось удивленное лицо подруги. Удивляться было чему, они ведь расстались меньше часа назад. Через минуту подруга оказалась рядом.

– Что случилось?

– Бал! Он все же будет. А я так надеялась, что все сорвется...

– Надеялась? – Кэти с удивлением уставилась на девушку, – почему? Чем тебя не устраивает бал? Я думала, ты хочешь... Ты ведь должна была так соскучиться по танцам.

– В том то и дело, – вздохнула Ирис, – понимаешь... Я... В общем, я, кажется, разучилась танцевать.

– Но это невозможно, – ахнула Кэти, – как можно разучиться танцевать?

– Выходит, можно. Я немного помню движения менуэта, – глядя прямо в глаза подруге, честно соврала Ирис, – но это все.

Кэти покачало головой. К счастью, этой милой, искренней девушке и в голову не пришло ни в чем сомневаться.

Две недели назад, в первый раз увидев над своей кроватью ее лицо, на котором смешались радость и беспокойство, Ирис изрядно струхнула. Ее «подружка детства», девушка, с которой она вместе выросла, делилась самыми сокровенными тайнами... Кэти знала об Ирис Нортон больше, чем та – сама о себе. К ее невыразимому облегчению все обошлось. Видимо, ученик доктора был очень убедителен, расписывая, к каким последствиям для ее головы могла привести лихорадка. А Кэти так искренне радовалась ее «выздоровлению», так боялась, что болезнь вернется и так старалась помочь подруге поскорее «все вспомнить», что всего через пару дней Ирис с удивлением поняла, что и вправду привязалась к дочке судьи. И, оказавшись в затруднительном положении, она бросилась к ней.

– Да! Удивительное дело, – Кэти покачала головой, – Джаспер говорил, что болезнь повлияла на голову, но я как-то никогда не думала, что для танцев нужна голова. Мне всегда казалось, что достаточно ног и рук. Выходит, я ошибалась.

– Поможешь? – с надеждой спросила Ирис.

– Разумеется. Не могу же я бросить тебя в такой беде, как твой собственный бал. Пойдем наверх, у нас никого нет, а зал достаточно просторный.

...Пожалуй, самой большой неприятностью ее новой жизни оказалась необходимость носить корсет на жестких пластинах из китового уса. Это орудие пытки, с которым не сравнится бы ни «испанский сапог», ни «четки боли», приходилось надевать с помощью горничной, ее звали Мэри.

В первый же день Ирис попробовала, было, словчить и, когда Мэри вышла, быстро, едва не выломав руки из суставов, расшнуровала платье и сбросила сооружение, в котором трудно было не то что ходить или, спаси господь, ездить верхом, а просто дышать. Натянув платье обратно, она попробовала снова зашнуровать его «как было»... и потерпела полнейшее фиаско. Платье оказалось настолько коварным, что просто не сошло на спине, а уж о том, чтобы затянуть шнурки, и речи не было. Пришлось проглотить внутренний протест и снова позвать Мэри, солгав, что под корсет попали крошки от круассанов. В первую неделю она проклинала все на свете, потом только отвратительную деталь туалета, потом, к собственному изумлению, привыкла. Не то, чтобы совсем...

Но на балу корсет ее совсем не беспокоил. Платье ей сшили белое, по последней французской моде: с длинной и довольно тяжелой юбкой до полу, приталенное, закрытое, как и положено девушке не только незамужней, но даже не просватанной, но зато с несколько свободным лифом, не стягивающим естественные формы тела, рукавами, не стесняющими движений и чудесной вышивкой шелком, дополненной жемчугом и цветами из узких лент чуть темнее основного цвета платья. Невольно Ирис подумала, что там, у себя, в далеком уже двадцать первом веке смогла бы заработать недурные деньги, предложив эскиз этого платья солидному

свадебному салону. Но эти мысли занимали ее недолго. Гораздо интереснее оказалось разглядывать прибывающих гостей, гадая, что привело их на бал в честь выздоровления дочки коммерсанта Нортон: общие деловые интересы с ее «отцом», желание своими глазами увидеть чудо – девушку, выжившую после оспы или же просто шанс появиться в доме виконта Ченнефилда.

К какой категории стоило отнести молодого, совсем молодого человека, который приближался к ней сейчас? Он был невысок, худощав, белокож. С характерно вытянутым лицом, из тех, что принято было называть «породистыми» (словно речь шла о лошадях или собаках), безус и безбород, но в сильно напудренном парике, высоко повязанном шейном платке с солитером, зауженном темно-красном камзоле, таких же панталонах, белых шелковых чулках и безупречно начищенных туфлях с большими пряжками. Ирис он напомнил героя из комедии Мольера или Бомарше...

– Молодой граф Эльсвик, – чуть слышно шепнула Кэти, исполнявшая на балу роль суфлера для Ирис, которая «все еще не могла вспомнить» большинство местных знаменитостей.

Ирис присела в реверансе, чуть менее глубоко, чем полагалось по этикету, приветствуя аристократа. От Джаспера она знала, что Эльсвики были так же знатны, как и бедны, и, вполне возможно, что на этот бал гордого британского графа привела возможность в кои-то веки поесть досыта. Мотив этот Ирис ничуть не считала постыдным, сама, бывало, проникала на банкеты и фуршеты с той же целью, да еще с подшитым к подкладке жакета потайным полиэтиленовым пакетом. Каждый выживает как умеет, не всем выпадает родиться с золотой ложкой во рту. Но и склоняться перед этим гостем в три погибели не имело смысла.

– Мисс Нортон, – проговорил юноша, слегка обозначая поцелуй на протянутой руке, – Ирис, я так рад что снова вижу вас в добром здравии. Я не знал, чем могу вам помочь, и просто молился.

– Благодарю вас, – ответила Ирис, – возможно, как раз этим вы мне и помогли, граф. Я рада видеть вас на этом празднике.

– Могу я попросить вас, Ирис, оставить для меня танец? – спросил он и как-то робко, совсем по-щенячьи, заглянул ей в глаза.

«Ого, – быстро смекнула девушка, – да тут, похоже, нечто большее, чем просто соседская забота. Юный аристократ либо мечтает поправить свои дела за счет капиталов успешного негоцианта, либо попросту влюблен в симпатичную соседку. Прямо, театральные страсти».

– Третий, – вслух ответила она, улыбаясь, – первый я танцую с хозяином замка, а второй обещала человеку, которому обязана жизнью.

– Доктору Уиллмору? – удивился граф, – но он же никогда не танцует.

– При чем здесь доктор Уиллмор? – Ирис дернула плечом, – я имела в виду его ученика, Джаспера. Кстати, Кэти, ты не знаешь, почему его до сих пор нет?

Кэти покачала головой, а «породистое» лицо Эльсвика вдруг сделалось каким-то испуганным и виноватым.

– Так вы ничего не знаете? – вполголоса удивился он.

– О чем? – спросила Ирис.

– Ученик доктора... Господи, да это случилось почти две недели назад! Уиллмор послал его к жене викария. У нее ведь тоже была оспа. Хотя, зачем ей врач, вполне хватило бы и мужа, бедная женщина все равно уже умирала.

– Но Джаспер уже переболел оспой, он не мог заразиться! – помимо воли Ирис сказала это слишком громко и поймала на себе несколько удивленных, возмущенных и крайне заинтересованных взглядов. Впрочем, ей сейчас было не до них.

– Оспа здесь не при чем, – пояснил Эльсвик, – Хотя, эти парни хуже чумы... Джаспер возвращался довольно поздно, один. И стал жертвой грабителей. Вероятно, они позарились на его лекарскую сумку... или на башмаки.

– И он?.. – Ирис почувствовала, как ее заполняет ужас и еще какое-то чувство, которому она не могла дать название. Возможно, острое сожаление?

– Он погиб, – подтвердил граф, – у него ведь не было с собой никакого оружия, кроме ланцета. Если бы он был дворянином и носил шпагу...

Но Ирис его уже не слышала. Ее душили слезы, которым нельзя, просто никак нельзя было позволить пролиться здесь, среди всей этой толпы любопытных сплетников.

Сообразив, что девушка в шоке, Эльсвик отошел, бормоча извинения. Молодой граф оставил Ирис во власти двух совершенно противоположных чувств: жалости и... как это ни странно – облегчения. Единственный человек, знающий ее тайну, унес ее с собой, и ни шантаж, ни позорное разоблачение ей больше не грозили. Взглядом она нашла в толпе гостей невысокого толстячка с заметной лысиной, которую он не считал нужным прятать под париком. В ту ночь, когда Джаспер осторожно провел ее черным ходом в спальню молодой хозяйки, чтобы девушка заняла место покойницы, ей так и не удалось уснуть, ни на мгновение. Она лежала на широкой и довольно неудобной кровати, смотрела в перекрестье темных балок на потолке и гадала, что из всего этого может выйти. Страха не было. Может, потому, что уже отбоялась свое, еще там, в этой ужасной больнице.

А после появился он – этот колобок с добрым лицом пекаря но, как говорил Джаспер, волчьей хваткой успешного дельца. Он ничего не сказал, только смотрел, жадно смотрел на нее взглядом, полным надежды. А потом опустился на колени перед кроватью, робко протянул руку и стал гладить край одеяла. И так он стоял и гладил это несчастное одеяло чуть не до самого рассвета, а возможно, стоял бы и дольше, если бы девушка в странном, непонятном ей самой порыве, не выпростала руку и не сжала его ладонь. И коммерсант Нортон расплакался.

Девушка, капризом судьбы заброшенная так далеко от дома, там, в своем времени, понятия не имела, кто ее отец. И не считала это большой потерей – многие росли без отцов. Но от ТАКОЙ любви отказаться трудно. Да и зачем?

* * *

Неделю спустя Нортон повез ее в порт. Он обещал сюрприз, из его туманных намеков девушка поняла, что речь идет о путешествии... Но особо радоваться не спешила. Конечно, морской круиз это очень здорово, но на какой-то деревянной лоханке, которая зависит от воли ветра и в любой момент может пойти ко дну, в каюте, где из удобств только ночной горшок и кувшин для умывания, а местный лекарь слухом не слыхивал о таких вещах, как таблетки от укачивания?.. «Отец» искренне недоумевал, ведь настоящая Ирис обожала море и корабли едва ли не больше, чем лошадей и верховые прогулки. Наконец он списал ее настроение на недогадливость и, успокоившись, откинулся на подушки экипажа, предвкушая, как сейчас «дочка» сойдет с ума от восторга и с визгом повиснет у него на шее.

Гавань открылась ее взгляду внезапно. Только что тянулись унылой коричневой стеной однообразные доки, и вдруг словно развернулся старинный шелковый веер. Свинцовая вода с мелкой рябью золотых бликов, как огромная, протянутая к небу ладонь, держала на себе кажется пять или шесть парусников. Девушка мгновенно утратила дар речи и вцепилась взглядом в морских птиц, удивительные создания рук человеческих, порожденные легендой и порождающие легенды.

Парусники... Это была любовь с первого взгляда. Никогда, ни до, ни после этого, ей не случалось испытать такого сильного чувства. Оно жило в ней и теперь, не смотря на то, что корабли и вправду довольно часто тонули, а золото и свинец в самом деле оказались неразлучной парой: где одно, там и другое. Но общее несовершенство жизни никак не влияло на восторг, в который погружали девушку выгнутые ветром крылья кораблей.

Глава первая

Измена

Карибское море. Необитаемый остров Фуатос. Июнь 1679 года

Упорство, настойчивость, немного знаний, хорошая память и испанское золото... да пусть даже серебро – вот залог стабильного процветания. А Джеймс Рик считал себя вполне процветающим бизнесменом. Странно, но ассоциации приходили именно такие.

– Господин Рик... – капитан «Фортуны», удобно устроившись на складном стуле, лениво созерцал полупустую палубу.

Бриг уже почти сутки стоял на якоре, в удобно и широкой бухте, в ожидании «Марианны», что должна была доставить ему из Англии два паровых молота, для его успешно развивающегося производства. Компания Бикфорда всегда держала слово и все, что он выписывал из метрополии, приходило точно по списку и всегда вовремя, ну почти вовремя...

Рик задумался, прищурил глаза, вспоминая, как полтора года назад заключил первый контракт с Адамом Бикфордом. Джеймс сдержанно улыбнулся лишь краешком губ.

Шутка ли за пару лет обзавестись всеми современными достижениями оружейного дела. Но в начале, конечно, пришлось попотеть. Подтянуть образование. Чего ему только стоил Роберт Вард с его «Критическими замечаниями о действиях боевых». И все это в оригинале! И если с разговорным английским Рик справлялся, то вот чтение трактата пришлось растянуть на долгий месяц. Да и капитан Крузо подкинул идею со своим пистолетом в 18 дюймов, с калибром 20 пуль на 1 фунт свинца. Вообще вся эта мерная система выводила Рика из себя. Ничего более дурацкого он еще не встречал. А посему когда он пригласил к себе Роджера Багги, тут же стал переводить все в более привычную систему. Сантиметры и миллиметры как-то больше грели душу и были понятны с детства. Правда пришлось повозиться и объяснить мастеру что к чему – линейку сделать. Но Роджер был оружейником от Бога и вскоре все пошло как надо. Собственная мастерская на Ямайке и отличный, просто превосходный гонорар за каждое изделие приковали Багга к месту. Еще бы – бронзовый барабан с 6 камерами, с собственной огневой полкой, механизм для поворота барабана при взводе курка! Это ли была не удача! Правда вес – 3 килограмма и длинна 55 сантиметров, но лиха беда начало.

Роджер работал, щедро одаренный золотом и серебром. И мастерская вскоре разрослась до небольшого заводика. Для тихой деревеньки Палаймос это стало подарком свыше. Почти все население, так или иначе, трудилось на благо капитана Джеймса Рика.

– Вижу парус, – раздался бодрый окрик с марса.

Рик задрал голову. Марсовый склонился через ограждения и вытянул руку.

– Парус!

– Наконец-то, – Джеймс встал и резким движением разложил подзорную трубу.

Созерцать приближающийся силуэт пришлось довольно долго. Только через полчаса стало совершенно очевидно, что это и есть флейт «Марианна».

«Купец» порядком осевший, тяжело тащил свое тело к месту randevu.

– Готовьтесь парни, – возвестил Рик. – Будем принимать. Денни!

Помощник явился на зов и не заставил себя повторять дважды. Денни Расвен живо растолкал дремавшего у бизань-мачты боцмана, и вскоре пропела его дудка, возвещающая аврал. «Фортуна» ожила. Матросы, как обезьяны, ловко облепили реи и вскоре бриг, расправив крылья, двинулся навстречу «Марианне».

Спустя полчаса бронзовый бриг Рика, покинул гостеприимную бухту. В подзорную трубу уже были видны маленькие фигурки на палубе «купца». А Джеймсу даже показалось, что он видит обоих сыновей Адама Бикфорда, как тут марсовый вновь известил сверху.

– Они поворачивают.

Убранная было труба, вновь вернулась на место.

– Что за черт! – Рик уже и сам видел, что «купец» поворачивал.

– Судно по левому борту!

– Откуда? – спросил помощник и глянул на левый борт. – Кэп, это же...

– Капер, – закончил за него Рик. – Вижу.

Капитан приложился к трубе и несколько минут разглядывал незнакомца.

– Француз, – себе под нос пробурчал Джеймс, узрев на стеньге флаг с лилиями.

– Так с французами же мир, – немного успокоившись ответил Денни. – Не будут же они... у нас и у «Марианны» Святой Георгий. Он что не видит?

Меж тем, «француз» встал круто к ветру и пошел напрямиком на «торговца». Рик сжал кулаки. Ветер способствовал незнакомому каперу, и вероятность того, что он доберется до «Марианны» раньше, чем он была очень велика.

– Денни, ставь все и живо!

– Кэп, ты думаешь...

– Живо, я сказал! Черт бы побрал этого лягушатника. Откуда он тут взялся?!

Две мачты «Фортуны», с добавочными парусами легко рванули судно вперед. И все же Рик видел, что не успевал. Французский капер опережал его. Оставалось надеяться на опытность капитана «Марианны», что он сумеет маневром и орудиями продержаться до прихода подмоги.

– Сучья шнява, – под себе выругался Рик по-русски и вновь приложился к трубе.

Он сумел насчитать семь открытых портов на одном борту шнявы.

– Минимум одно носовое и одно кормовое... – Джеймс продолжал делать подсчеты, – итого шестнадцать. Не велика птичка. Денни! Лево на борт!

И тут Рик увидел дымок над бушпритов француза. Едва различимый звук орудийного выстрела оповестил о начале. Джеймс в подзорную трубу отчетливо видел как капитан флейта добавил парусов и пытается уйти от противника. «Купец» постоянно менял галсы, дабы не подставить свой борт под вражеский залп. Однако и капер не спешил разнести «Марианну» в щепки.

Французы сделали еще два выстрела из носового орудия под бушприт флейты. Англичане ответили одним из кормового.

– Денни! Медленно, Денни, медленно! – Рик с шумом захлопнул подзорную трубу.

– Все что возможно, сэр, – отозвался помощник и еще раз оглядел мачты. – Это все, кэп.

– Право на борт!

Увеличительные линзы были уже не нужны. Джеймс уже и так мог созерцать картину погони. Как ни старался капитан флейта, но все же французский капер уличил момент и произвел бортовой залп. Рик видел, как вражеские кнепиля рванули паруса флейты.

– Денни! Правый борт к бою! – Джеймс счел, что дистанция для его железных ядер вполне подходящая. И он вознамерился отогнать наглого капера.

Несколько минут нервного ожидания...

– Правый борт готов! – помощник застыл с поднятой рукой на батарейной палубе.

Рик вбежал по трапу, поднялся на ют, дабы лучше обозреть поле боя. В это время раздался залп. Сердце капитана сжалось. Он оперся о фальшборт и глянул на флейту. Вражеские ядра вгрызлись в борт «Марианны» и буквально смели часть команды со шканцев. Капер тут же пошел в разворот и подставил Рiku свою корму. Джеймс отчетливо видел надпись.

– Приор, – прочел он по буквам.

– Капитан! – нервно прокричал Денни, призывая того к действиям.

– Залп! – отозвался Джеймс.

– Залп!

Из семи ядер, цели достигли четыре, разворотив вражескую корму.

– Лево на борт!

Штурвальный так резко дал обороты, что бриг чуть не лег на воду. Команда едва удержалась на ногах. Джеймс ухватился за поручни трапа и когда бриг завершил маневр, пулей метнулся к противоположному борту.

«Француз» тоже успел завершить разворот и теперь находился еще ближе к флейту.

– Он его потопит... – процедил Рик в сердцах сквозь зубы. – Денни! Левый борт!

– Готов!

Два залпа прозвучали почти одновременно, слившись в один протяжных раскат. Палубу заволочло дымом.

– Заряжай! – сквозь пороховой туман послышалась команда помощника. – Живее!

Ветер отогнал дымку и Рик узрел, как флейт забирает круто вправо, а капер вновь пошел на разворот, огибая «купца». Джеймс резко вскинул подзорную трубу и навел на цель.

– Кажется есть! – он заметил в борту шнявы две большие пробоины.

Железные ядра сделали свое дело.

Француз добавил парусов и стал забегать вперед «купца». Как не стремилась «Фортуна» на перехват, но не успела. Массивный корпус флейта закрыл шняву от орудий брига.

– Куда он смотрит?! – Джеймс врезал кулаком по фальшборту. Его вопрос был адресован капитану «Марианны», который так неловко и так не вовремя совершил очередной поворот. Конечно, он хотел скорее оторваться от капера, отойти поближе к своему бригу, дабы избежать очередного разрушительного залпа с близкого расстояния. Но Рик это вышло боком. «Фортуна» не могла открыть огонь.

– Лево на борт! – командовал Рик. – Быстрее!

Минуты текли чудовищно долго. Джеймс нервничал и было от чего. Раздался залп и Рик скорчил недовольную рожу. Почти на его глазах погибал «купец», а он бессилён. Все ядра капера достигли цели, почти в упор смели все со шканцев. Людей, орудия... треснул грот, и мачта наклонилась еще удерживаемая вантами.

– Денни! Круче! Дав... – Рик споткнулся на полуслове.

Только сейчас он заметил, чуть в стороне от «Марианны» шлюпку – четыре гребца и еще один...

Джеймс поднес трубу к глазам.

– Что за франт? Тьфу!

Бриг разминулся с флейтом и пошел прямо на «француза». Дистанция была предельно мала и Рик командовал:

– Пли!

Палуба под ногами дрогнула, и вновь все окуталось пороховым туманом. В ответ со шнявы раздался одинокий выстрел, и наступила тишина... почти. Когда стал виден результат залпа Рик довольно хмыкнул.

– Заряжай, – раздалась команда помощника и канониры тут же взялись за дело.

Капер сбавил скорость. Его фок-мачта завалилась на грот-мачту, фальш-борт превратился в щепки.

– Денни, добавь ему еще разок! – «француз» Рика больше не занимал. Дело было решенным. Теперь с куда большим интересом он уставился на шлюпку, что отошла от флейта.

– Это кто же там такой шустрый? – Джеймс навел оптику на цель. Нет, человека стоящего в шлюпке, почти в полный рост, в ярко васильковом мундире он не знал.

Он разглядывал незнакомца не больше минуты, а затем перевел трубу на «Марианну». Флейт выглядел не лучшим образом. Рик прекрасно видел, как на поврежденной палубе суетились матросы, убирая обломки и тела павших товарищей.

Джеймс дернулся от раздавшегося залпа и неудачно заехал себе в глаз.

– Денни! Е... – его голос потонул в орудийном эхе.

Стальные ядра впились аккуратно у ватерлинии французского капера и Рик мог не сомневаться, что хотя бы парочка из них прошла судно насквозь. Капер был обречен.

– Сэр, они выкинули белый флаг! – сложив руки рупором, прокричал Денни со шканцев, – Сдаются.

Джеймс обернулся – так и есть, почти белая тряпка, трепыхалась за место королевских лилий.

– Денни, идем к «Марианне», надо глянуть что у них.

– А французы?

– Да черт с этими лягушатниками – подождут.

* * *

На флейте видя развязку боя, зарифили все паруса и судно легло в дрейф. Бриг подошел вплотную к поврежденному «купцу» и тоже убрал паруса.

Первым кого увидел Рик был его старый знакомый боцман Том Хаггард. Именно тот самый Том, который одним из первых принял его в этом безумном прошлом. Джеймс помнил этот момент, такое разве забудешь?

– Том! Что у вас?

Боцман выглядел удрученным. Закопченное лицо изодранная рубаха и нелепо съехавшие вниз штаны.

– Артур... Генри... – боцман уныло опустил голову.

Рик проследил за его взглядом и узрел у ног Тома тела молодых людей. О том, что они были молоды, сейчас можно было только догадываться. Тела были изуродованы, лица посечены осколками. Вот только волосы, у обоих длинные до плеч, казалось сияли в лучах солнца, переливаясь рыжим оттенком. Джеймс никогда раньше не видел сыновей Адама Бикфорда. Никогда живыми...

– Эх, что же вы... – Рик покачал головой и приложил боцмана отборным русским матом.

Стоявший рядом Денни Расвен недоуменно покосился на капитана и аж присвистнул от услышанного.

– Что капитан? – спросил Рик. Когда многоэтажность ругательств достигла предела.

– Убит, – утерев лицо рукавом, ответил Том Хаггард, – убит...

– А кто в шлюпке?

– Сэр Ричмонд Кларк?

– Кто такой?

– Зять мистера Адама.

Джеймс кивнул. Как же он мог забыть – Ричмонд муж Эдит.

– Да-да... – он пристально посмотрел в сторону шлюпки, где видимо уже решили, что опасность миновала и теперь матросы усиленно гребли назад. Джеймс задрал голову вверх и глубоко вздохнул.

– Денни, это французское корыто на дно! – зло на выдохе выплюнул капитан «Фортуны» и резко развернулся на каблуках.

– Есть, сэр! Поднять паруса! Право на борт! Обе батареи к бою!

Матросы привычно взялись за дело.

Не прошло и полчаса, как «Фортуна» легла на нужный галс и легко нагнала медленно удаляющуюся шняву.

Поначалу французы не верили своему счастью. Они вывесили белый флаг, зарифили часть парусов, но противник не спешил брать их в плен. Напротив англичане, как будто забыли о трофее, бросили. И обратили свое внимание на «купца». Посему на шняве даже не позаботились зарифить полностью грот-мачту.

Но радость была преждевременной. Бронзовый бриг вернулся и англичане дали им всего десять минут на сборы. Шесть шлюпок быстро заполнились галдящими французами, после чего их отпустили. Шлюпки успели отойти метров на триста и «Фортуна» дала залп с правого борта. Крутой бейдевинд и новый залп с левого. Этого оказалось достаточно. С близкого расстояния железные ядра пробивали шняву насквозь, играючи, словно судно было сделано из картона.

Французы перестали ворочать веслами, а все как один уставились на свой погибающий корабль. Ему оставалось не долго.

– Денни! А ну-ка поддай этим лягушатникам из носового, для ускорения!

– Есть, сэр, – помощник понимающе кивнул и заспешил к носовому орудью.

Шнява «Приор», уже наполовину скрылась в волнах, когда носовое орудие англичан послало чугунный подарок французам. Ядро пущенное умелой рукой канонира, зарылось в воду посреди скопления шлюпок, вызвал высокий фонтан. Французам тут же вернулось самообладание и они с проклятиями в адрес победителей живо уселись по местам и взялись за весла. Их усердию можно было только дивиться. Весла мелькали с такой быстротой, что порой казалось, что это крылья огромной стрекозы.

– Так-то лучше, – буркнул Рик, – а то расслабились...

Капитан отвлекся от шлюпочных гонок и посмотрел на оставленную в стороне «Марианну». Вновь вернулась боль. Что он скажет старику Адаму? Что его двух сыновей больше нет? Вот так – оп! – Джеймс в задумчивости нервно щелкнул пальцами. – И нет. Обоих сразу.

– Откуда взялись эти французы?

Глава вторая

Черти в табакерке

Англия, Британская Империя, Август 1680 года

– Рад вас видеть в добром здравии, мой друг, – Адам Бикфорд пожал протянутую руку капитана. Рукопожатие его все еще было крепким, хотя сам он со времени их последней встречи на Ямайке сильно постарел, осунулся, на лице пролегли несколько новых, довольно глубоких морщин. Трудно сказать, в какой мере эти перемены были вызваны возрастом. Скорее, виной тут была глубокая скорбь по сыновьям... Да и переезд из «тропического рая» в сырую и холодную Англию тоже должен был сказаться на Адаме не лучшим образом.

Так или иначе, а одет он был с той же безупречной аккуратностью, взгляд был по-прежнему внимательным, а улыбка – сердечной.

Поместье Бикфордов располагалась неподалеку от городка Сент-Джерманс и было одной из главных диковин здешних мест. Прежде чем стать собственностью Бикфордов, дом был монастырем, и поэтому в нем было с избытком темных, мрачных залов и длинных коридоров, которые вели куда угодно, но только не туда, куда нужно. По заказу хозяйки дома, часть его была перестроена и выглядела вполне жилой: во всяком случае холл с традиционной «белой» лестницей, коридор и «курильная» не вызвали у Рика навязчивых ассоциаций с мрачными романами Вальтера Скотта. Но, похоже, после смерти жены, Адам потерял интерес к переустройству дома, и основная его часть так и осталась живой иллюстрацией довольно темного периода в жизни Англии. Столовая, например, оказалась сильно вытянутой и плохо освещенной комнатой. Узкие окна, похожие на бойницы, не добавляли уюта. В одной из стен Рик разглядел ниши для исповедальных кабин.

Большую часть комнаты занимал длинный стол из темного дерева, за которым без труда разместилось бы человек пятнадцать. Но накрыт он был лишь на четверых.

– К обеду я жду дочь с зятем, – пояснил Бикфорд, – надеюсь, вы не против? – при слове «зять» Адам едва заметно поморщился. Если бы Рик специально не следил за его лицом, то, пожалуй, и не уловил бы этого. Похоже, старый знакомый был совсем не в восторге от своего родственника. Что ж, Рик это было только на руку.

– Напротив, я с удовольствием снова встречу с мисс Бикфорд, я ведь не видел ее много лет, – улыбнулся он, – а что касается ее супруга... Сказать правду, это одна из причин, по которой я приехал.

– Из-за Ричмонда? – брови Адама встали «домиком».

– Именно, – кивнул капитан, – но для начала я хотел бы знать, простите мою прямоту, имею ли я право и основания вмешиваться в дела вашей семьи.

– Что вы имеете в виду? – Бикфорд выглядел не столько оскорбленным, сколько озадаченным.

– Мы с вами давние деловые партнеры, и это партнерство принесло выгоду нам обоим.

– Да, безусловно, – кинул Бикфорд.

– И важная часть нашего партнерства – взаимное доверие, – произнес Рик, внимательно глядя на пожилого джентльмена.

– Но... это очевидно. К чему вы клоните?

– Если очень коротко и без церемоний... Господин Кларк ваш наследник и доверенное лицо? Или нет? Это важный вопрос, потому что у меня есть основания не доверять этому господину. И если в дальнейшем мне придется вести дела с ним, то я предпочту разорвать наши соглашения.

Слово было сказано, и Рик перевел дух. Обижать своего давнего друга и спасителя ему не хотелось. Но и подставляться, чтобы однажды разделить судьбу сыновей Бикфорда, не было никакого желания.

К его тайной радости, Адам не стал швыряться предметами и даже с вызовом на поединок, похоже, не торопился. Он долго смотрел в пол, что-то напряженно обдумывая.

– Эти основания, – наконец произнес он, – как-то связаны с тем, что последняя поставка до вас дошла не полностью?

– Напрямую, – подтвердил Рик.

– И... с гибелью Артура и Генри? Но, в таком случае... вы поделитесь со мной тем, что вам известно? Я понимаю, что с моей стороны просить об этом несколько...

– Я за этим и приехал, – серьезно проговорил Рик, – я расскажу вам все, чему сам был свидетелем, и что рассказали люди, которым я полностью доверяю. А потом вы примете решение.

Их разговор прервал лакей. Он широко отворил дверь и громко произнес:

– Мистер и миссис Кларк.

– Продолжим разговор после обеда, – понизив голос, изрек Адам и развернулся к входящей паре.

Поднял глаза и Рик.

Эдит Бикфорд он не видел с Ямайки. Он помнил дочь Бикфорда довольно милой девушкой, живой и непосредственной. Не красавицей, но не лишенной своеобразного очарования. В их последнюю встречу девушка пыталась флиртовать, довольно неумело. Рик обещал привезти ей в подарок «испанскую собаку», насколько он понял, обычного спаниэля... Обстоятельства не позволили ему вернуться и выполнить обещание. А узнав о ее замужестве, Рик решил, что в скором времени ребенок с успехом заменит Эдит всех спаниэлей мира, а заодно котят, кроликов и добрую часть мужчин, и выбросил «испанскую собаку» из головы.

В первую минуту Рик ее даже не узнал. Повзрослела? Похорошела?.. Замерзла – именно это слово пришло ему в голову. Словно живую девушку, не лишенную недостатков, но именно ими и берущую за душу, каким-то злым колдовством обратили в безупречную ледяную статую. Снежная кожа светилась над вырезом атласного черного платья, белокурые волосы были уложены в строгую прическу, в ушах поблескивали небольшие изящные серьги. И таким же стылым, холодным блеском посверкивали ее некогда смешливые глаза. Похоже, смерть Артура и Генри ударила по ней куда сильнее, чем по отцу.

За обедом, по неписанной, но неукоснительно соблюдаемой традиции о делах не говорили. О, если не было бы погоды, то в приличном обществе и поговорить было бы не о чем. И в этот раз, все было как всегда. Поначалу разговор вертелся вокруг погоды – лето выдалось на редкость мрачным и дождливым, отчего многих знакомых Бикфордов одолевал сплин. К слову о соседях или светских новостях... Вскользь коснулись темы помолвки младшей дочери ближайших соседей Бикфордов, фамилию и титул невесты Рик пропустил мимо ушей. И под конец, куда же без нее, о политике – отменит ли парламент налог на ситцы? И не очень ли в последнее время стали задаваться испанские сеньоры.

Суп сменился салатом, затем – горячим. Слуги неслышно скользили вдоль длинного стола, разливая, подавая, убирая. Работы им хватало: традиционный столовый сервиз состоял из тридцати наименований: бульонных чаш со специальными подставками, салатников, квадратных и круглых, корзиночек под хлеб и тосты, обязательно накрытых салфетками, «баранчиков» с крышками – посуды для порционных блюд из рыбы.... Да еще судки для специй, наборы для соли, салфетницы, тарелочки для масла, заранее нарезанного кубиками, ложки, ножи и вилки нескольких видов.

Для Рика весь этот церемониал давно перестал быть китайской грамотой, он уже не путал нож для мясных блюд с ножом для масла, привык не лазить «своей» ложечкой в соль и перец,

знал, как поступать с лавровым листом в бульоне, куда класть использованную салфетку, и для чего предназначена двузубая вилка. Забавно, но эти «бесценные» знания он приобрел, в основном, благодаря общению с Бикфордами. В кабачках Кайоны они были без надобности. Для рома и сильно перченного мяса там использовался только один универсальный столовый прибор: деревянная доска, бутыл, собственные руки и горло, а обязанности слуг сводились к тому, чтобы пустые емкости вовремя сменялись полными.

Рик почти не принимал участия в светском разговоре, ограничиваясь короткими репликами. Фраза «вы безусловно правы, сэр», как он знал по опыту, могла с успехом заменить диплом Оксфорда, сказанная и к месту, и не к месту, она всегда служила хорошей службой, позволяя прослыть человеком умным и сведущим в любой области, не прилагая к этому ни малейшего труда.

Стараясь не показывать вида, Рик внимательно следил за своими сотрапезниками, пытаясь понять, как угораздило таких порядочных и, в общем, далеко не глупых людей, связаться с мерзавцем чистейшей воды, которому Яша Рикович не доверил бы билет в трамвае проком-поссировать. Неужели Эдит могла настолько потерять голову?!

Молодая женщина слегка повернула голову к супругу, ровно настолько, чтобы не погрешить против этикета, и, аккуратно положив нож кончиком на специальную подставку, коротко ответила на его вопрос... При этом лицо ее даже чуть-чуть не оживилось. Может быть, конечно, причиной было глубокое горе. Но, воля ваша, на женщину, сходящую с ума от страсти, она совсем не походила. Да и Ричмонд, сказать прямо, не лучился супружеским счастьем.

Наконец подали десерт: стол заполнили чайник для заварки, чайник для кипятка, молочник, две сахарницы и тарелочки с тонко нарезанным лимоном, чайные чашки, корзиночки с пирожками, блюдо с сыром и целая стайка симпатичных розеток и креманок. Слуги удалились, и обязанности хозяйки по разливу чая приняла на себя Эдит.

Вынужденное воздержание закончилось, и первым этим воспользовался Ричмонд.

– Итак, насколько я понимаю, Джеймс прибыл, чтобы договориться о новых поставках?

Рука Эдит невольно дрогнула, и лишь благодаря ее самообладанию сливки не оказались на скатерти. Заметив это, Адам поморщился.

– Может быть, отложим разговор о делах до того, как пройдем в курительную?

– Можно отложить все что угодно хоть до страшного суда, – пожал плечами Ричмонд, – но стоит ли? Заказ готов, подходящий корабль свободен для фрахта, мы ожидали лишь подтверждения и аванса. Надеюсь, с финансами проблем нет?

– С финансами – нет, – кивнул Рик.

– Значит – все в порядке. Завтра с утра вы переведете деньги на счет компании, и, как только я получу подтверждение платежа, распоряжусь начинать отгрузку. Думаю, к полудню среды ваш заказ будет доставлен и размещен в трюме.

– Не так быстро, Кларк, – Рик покачал головой и отложил нож, которым собирался намазать масло и джем на пирожок. Хотя охотнее приставил бы его к горлу Ричмонда... если бы не опасался шокировать Эдит. Но, похоже, способа избавить ее от неприятного разговора не было, проходимец ни в какую не желал понимать намеков, и как-то очень навязчиво демонстрировал, что теперь, после смерти основных наследников, делами компании распоряжается он. Придется поставить его на место.

– Я сказал, что проблем нет с финансами, – повторил капитан, – но это не значит, что их нет вообще.

– И в чем же сложность? – Кларк удивился, или сделал вид, что удивлен.

– В вас, – бросил Рик.

– Объяснитесь, – потребовал тот, мельком глянув на тестя. Но Адам, похоже, вмешиваться не собирался. Он лишь с тревогой посмотрел на дочь, прикидывая, не стоит ли попро-

свить ее что-нибудь принести с кухни. Но Эдит, отставив чайник, уселась за стол с таким видом, что стало ясно – сдвинуть с места ее не сможет и пара волов.

– Все просто, – сказал Рик, – груз, который вы обязались доставить на острова, был абсолютно секретным.

– Как всегда, на протяжении последних лет, – добавил Адам.

– О месте randevу никто не знал, кроме нас. И вот в безлюдной бухте, где нет даже питьевой воды и черепах для засолки, вдруг, в то самое время, когда ваша «Марианна» спешит навстречу, появляется совершенно французский капер и с ходу начинает военные действия. Не находите странным? Чем это можно объяснить?

– Мир полон случайных совпадений, – возразил тот, – бывает и не такое.

– Случайные совпадения? Я не верю в такие случайности, Кларк, и не поверю никогда. Мне с превеликим трудом удалось уgomонить французов и отстоять свой груз!

– Все бывает, – Ричмонд пожал плечами, с таким видом, будто речь идет о пустяшной безделице.

– Бывает... Но есть еще одна небольшая деталь, которая мне очень не нравится. Вы заметили, куда стрелял этот капер?

– Куда... Странный вопрос. Шел бой. Он стрелял туда, где мог принести самый большой ущерб противнику. И куда мог попасть.

– Куда угодно, только не по «Фортуне». Вам и это не кажется странным? Ведь по логике он должен был напасть на меня. Потопить, или вывести их игры, а уж потом заняться «купцом».

– Вовсе нет. «Фортуна» выглядела более устрашающе, вот французы и не взяли за Вас.

– Бред, – хмыкнул Рик. – И это говорит человек, служивший в королевском флоте?! Капер атаковал ваш флейт и тем самым дал мне возможность почти безнаказанно пустить его на дно. Абсурд. Французы не достигли своей цели и это чистое безумие. А я лично не склонен считать лягушатников идиотами. Даже если бог был бы в тот день на их стороне, им ни за что было не взять флейт. Так в чем же был тайный умысел господин Кларк?

Ричмонд чуть заметно побледнел.

– Вы в чем-то обвиняете меня? – он картинно поднял левую бровь.

– Не в «чем-то», а в конкретном действии. Во-первых: в разглашении конфиденциальности торговых операций, – отчеканил Рик, глядя прямо в наглые глаза Кларка, – капер очень хорошо знал, о месте randevу. Его кто-то навел. Адам правильно заметил, мы делаем дела уже несколько лет. И всегда все было в порядке. За исключением последнего раза, когда доставка была поручена именно вам, Кларк.

– Серьезное обвинение, – пробурчал Адам.

– И второе, – продолжил Рик перебив Ричмонда, которых хотел было открыть рот, – и второе. Самое главное. Цель капера заключалась в устранении Артура и Генри.

– Это более чем серьезное обвинение, – руки старшего Бикфорда до боли сжали подлокотники стула.

– Очень серьезное. И надо заметить – совершенно голословное, – подхватил его зять, – тайну знал не я один. Артур и Генри ее тоже знали. И они могли проболтаться в любом портовом кабаке, они же были совсем мальчишки, а ром развязывает языки и не таким!

– Не могли, – уверенно качнул головой Рик.

– Почему вы в этом так уверены?

– Они были Бикфорды.

– По-вашему, этого достаточно? – вскинулся Кларк.

– Вполне, – заверил Рик. И поймал горячий, полный благодарности взгляд Эдит. Первый «живой» взгляд женщины за весь этот тягостный обед.

– Хм. За такие слова полагается отвечать со шпагой в руке, – с едва заметной угрозой в голосе проговорил Ричмонд.

– Полагается – ответу, – Рик пожал плечами и переключился на прекрасную выпечку. С момента, когда ледяная леди ожила, напомнив прежнюю Эдит, его настроение резко пошло в гору.

* * *

Ближе к вечеру Рик вышел прогуляться перед сном, и, первым делом, направился к пруду в центре парка. Путь его пролегал по довольно широкой и прямой аллее мимо больших мохнатых шаров: искусно обрезанных кустов самшита. Время от времени встречались каменные скамьи и небольшие беседки. Один раз в небольшом углублении меж сплетенных ветвей густых акаций Рик расслышал шум фонтана и даже разглядел серебряный отблеск падающей воды. Прекрасный парк был любимым детищем покойной миссис Бикфорд, она следила за ходом работ от разработки проекта до посадки цветов. Несколько раз она меняла уже готовые решения, стараясь совместить несовместимое: строгую геометрию жестко упорядоченной природы, так называемый «французский» вариант и простую, но изысканную прелесть природы дикой, которую предпочитали англичане. Она хотела создать чудо. После ее смерти здесь уже никто ничего не менял. Старший садовник и его помощники лишь поддерживали парк в том состоянии, в котором его оставила создательница, именно этого требовал хозяин и именно за это он платил им довольно хорошее жалование. В парке как будто еще витал незримый дух хозяйки.

Рик как раз думал об этом, спускаясь к пруду, когда из темноты вдруг выступил и поплыл ему навстречу тонкий, почти невидимый, но изящный силуэт, окутанный туманом. При всей своей храбрости капитан вздрогнул. Он не чувствовал в себе готовности к встрече с потусторонним.

К счастью, это оказался не призрак. Хотя вблизи сходство с миссис Бикфорд, чей парадный портрет висел в холле над лестницей, сделалось несомненным. К Рикуну подошла Эдит, одетая в темное платье, и до самого подбородка закутанная в плотную шаль: в парке было свежо.

– Добрый вечер, – мягко сказала она, наклонив голову.

– Добрый, – слегка растерялся Рик, – я не ожидал вас тут встретить.

– Я часто здесь гуляю. Это мое любимое место.

– Да, но... Ваш экипаж отбыл. Я думал, что вы уехали домой.

– Я решила переночевать у отца. Муж не возражал, напротив. Он никогда не возражает... Говорит, что у него много дел в городе, – в тихом голосе Эдит послышались резкие нотки.

– Эти дела... вы считаете, что у Ричмонда есть любовница? – спросил Рик с прямоотой человека иного времени, привыкшего к тому, что женщины так же самостоятельны и умны, как и мужчины, и обладают такими же правами.

Эдит если и удивилась, то ничем не показала этого. Она тоже была не слишком примерной дочерью старой доброй Англии. Пансион ей заменили Антильские острова, поэтому при слове, которое порядочной женщине даже знать не полагалось, она не стала падать в обморок, а лишь пожала плечами:

– Точно я этого знать не могу. Но не вижу причин, почему бы моему мужу не содержать любовницу. Ко мне он привязан слабо, а святость семейных уз не страдает. В конце концов, он не собирается требовать развода, хотя... иногда я жалею об этом.

– Вы не слишком счастливы в браке, – Рик не спрашивал, а утверждал.

– Любой брак – это, прежде всего, сделка, – с циничной прямоотой произнесла Эдит, – счастье не входит в контракт. Иногда оно приходит потом. Но далеко не всегда. Я... не хочу говорить об этом. Тем более что уже ничего не изменишь, – она вдруг вскинула голову и, глядя в лицо капитану, быстро и горячо проговорила, – я благодарна вам, Рик, за то, что вы сказали за обедом. За то, КАК вы это сказали. Я люблю отца, но... он сомневался! Ричмонд может быть очень убедительным, если захочет. Одно время я боялась, что отец поверит ему.

– Поверит, что ваши братья виноваты в том, что произошло в колониях? – осторожно уточнил Рик.

– Этого не могло быть! Ни один Бикфорд никогда...

– Ни один Бикфорд, никогда... – эхом повторил Рик, – это очевидно, Эдит. По крайней мере, для меня. Кто бы не выдал нас французам, это были не Артур и Генри.

– Значит, это был он, – спокойно сказала женщина. Если она и волновалась, то это выразилось лишь в том, что Эдит поглубже запахнула шаль.

– Вы сами сказали, точно мы этого знать не можем, – возразил Рик.

– Ваши возможности больше моих... – бросила она, глядя в сторону. Рик понял ее. И даже не стал делать вид, что не уловил намека.

– Конечно, я могу провести расследование. Собственно, я для этого и приехал.

– И вы поделитесь результатами? Со мной?

– Вы уверены, что хотите этого? – мягко спросил Рик, – правда может ранить очень больно.

– Ничего, потерплю. Эти раны обычно заживают, – усмехнулась Эдит, – а вот ложь – это яд. От него можно умереть куда вернее.

С минуту они молчали, слушая, как шумит в акациях вечерний ветер.

– Хорошо, – сказал, наконец, Рик, – вы узнаете правду. Какой бы она ни была.

– Слово?

– Слово.

Неожиданно женщина улыбнулась, остро напомнив ту непосредственную девушку, которую Рик узнал на Ямайке.

– Можно ли верить вашему слову, капитан? Ведь вы не Бикфорд. Для нас сдержать слово – вопрос чести, а вы... Вы ведь кое-что обещали мне в нашу прошлую встречу. И где же моя испанская собака?

Рик невольно улыбнулся в ответ.

– Простите, Эдит. Просто она мне не встретила на жизненном пути... – он беспомощно развел руками и молодые люди рассмеялись. На берегу пруда, в сгущающихся сумерках и все быстрее наползающем тумане смех этот прозвучал странно. Пожалуй, стороннему наблюдателю они могли бы показаться парочкой неуместно жизнерадостных привидений. К счастью, поблизости никого не было.

– Я прошу вас, капитан Рик, – кивнула Эдит, – но только в том случае, если это слово вы сдержите.

– Я сержу его как Бикфорд, – искренне поклялся Рик.

– Будьте осторожны. Слова Ричмонда о поединке – не пустая угроза, – добавила Эдит, – он и в самом деле может вас вызвать. У него уже было пять или шесть дуэлей, и все они закончились плохо для его противников. Он учился фехтованию у самого Торсона.

Рик кивнул, но тотчас выбросил ее предостережение из головы. Угроза дуэли сейчас беспокоила его меньше всего. Когда Рикович только появился здесь, шпага в его руке была лишь немногим опаснее кочерги... но с тех пор он успел это исправить, и, не без оснований считал себя неплохим фехтовальщиком. А то, что «неплохого фехтовальщика» и настоящего мастера разделяет пропасть, ему еще только предстояло узнать, заплатив за самоуверенность изрядной порцией собственной крови.

* * *

Первый завтрак в доме Бикфордов подавали в восемь, прямо в спальню. Как правило, это был чай с молоком, гренки и яйцо. К ланчу, состоявшему из овсянки, иногда – бекона и

пирога, следовало спускаться в столовую, правда, хвала Господу, это можно было сделать в удобной домашней одежде и мягких тапочках. Рик так и поступил.

В столовой он обнаружил лишь хозяина. Стол был накрыт на двоих.

– Эдит не присоединиться к нам? – удивился Рик.

– Эдит уехала рано утром.

– Мне показалось, она охотно гостит здесь.

– Это правда, – кивнул Адам, – здесь ей легче дышится, – в ответ на вопросительный взгляд капитана, старик неохотно добавил, – вы не слепой, Рик, и не глупец. Это один из многих не слишком удачных браков. Вероятно, я что-то упустил в воспитании дочки. Как не ко времени она лишилась матери! Если бы Эдит хватило женской мудрости делать вид, что она не замечает некоторых слабостей мужа, может быть со временем они бы и притерлись друг к другу. Или каждый зажил бы своей жизнью и нашел какой-то свой интерес. Для дочери это могли бы быть дети.

– А, может быть, имеет смысл просто хорошенько отделать эту сво... этого своеобразного, но достойного джентльмена, чтобы он оставил привычку шлаться налево и огорчать жену?

Адам грустно улыбнулся.

– Это могло бы иметь смысл, если бы господин Кларк был трусом. К сожалению, это не так. Он отважен и вполне решителен. Быстро думает и верно действует в сложных ситуациях. Это и было одной из причин, почему я в последний раз послал его с грузом. Мальчики... могли растеряться.

– Он играет в карты? Могут у него быть долги?

Адам ненадолго задумался.

– Вообще, Кларк – человек азартный, но карты – не думаю. Слишком мелко для него. Если он и играет, то по более высоким ставкам, чем несколько фунтов.

– Женщина? Понимаю, для вас это тяжело, но вы, кажется, не испытываете иллюзий?

– Женщина или женщины... Не думаю, что он тратит на них больше, чем зарабатывает у меня в компании. Если бы он содержал куртизанку, способную профукать такое жалование, об этом бы знал весь Лондон. Подобные дамочки не довольствуются будуаром. Да их и заводят не для этого.

– Тогда остается только одно. Тщеславие. Ему могло не понравиться, что в компании он всего лишь второе лицо, а в перспективе – вообще никто. И если он действительно такой решительный господин, он мог попытаться это исправить.

Адам вскинул на Рика пронзительный взгляд.

– Вы хотите сказать, что гибель мальчиков была не случайной?

– Я допускаю такую возможность, – осторожно, но веско произнес Рик.

– Доказательства? – бросил пожилой джентльмен, и по тому, как побелели и вытянулись в ниточку его губы, Рик понял, что угодил прямоком в больное место: наверное Адам и сам подозревал что-то подобное.

– К сожалению, у меня пока лишь подозрения, – признался Рик, – но с вашей помощью я надеюсь добыть факты.

– Мне кажется, вы предубеждены, друг мой.

– Если ваш зять окажется чист, я буду только рад, – заверил Рик.

Адам Бикфорд размышлял почти минуту. За это время Рик успел доесть пирог и проиграть в голове несколько вариантов убеждения, если старик вдруг заупрямитесь: от мягкого и вежливого до осады поместья с легкими пушками.

– Какая помощь вам нужна? – спросил он, наконец, и Рик перевел дух. Пушки не понадобились.

* * *

– Кажется, мы наконец попали на след, – бросил Рик в полголоса, не поворачивая головы. Сегодня он был с ног до головы джентльменом, выходил из respectable клуба и садился в личный экипаж, запряженный изумительной двойкой. И, конечно, такому господину не полагалось вести долгих бесед с кучером.

– Хорошо бы, – сидевший на козлах со скучающим видом Денни Расвен тронул поводья, – нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Куда, ваша милость?

– В Гринвич, – скомандовал Рик и скрылся в карете.

Помощь Адама Бикфорда оказалась поистине бесценной для двух молодых людей, совершенных новичков в столице. Он не только снабдил их огромным количеством необходимой информации, но и написал несколько записок, которые открыли Рику и Денни двери в такие места, куда не пустили бы не только двух моряков с сомнительной репутацией, но, пожалуй, и герцога Йоркского, вздумай он туда сунуться без подходящих рекомендаций. Ссылка на Бикфорда и друзей Бикфорда, осторожные расспросы и несколько банковских билетов, свернутых в трубочку сделали свое дело. К вечеру самозванные сыщики уже знали, что долгов у господина Кларка почти нет, по крайней мере таких, с которыми он бы не мог расплатиться, в карточном шулерстве либо чем-то еще его не подозревают, несколько поединков, хоть и считались преступлением, лишь добавили зятю Бикфорда популярности в определенных кругах. Ведь он же победил, а победителей не судят. А вот женщина, похоже, нашлась. В соответствии с известной поговоркой, она оказалась француженкой. В приватном разговоре, который стоил Рику пары фунтов, выплыло имя: Мишель Эктон и адрес – домик в довольно respectable предместье столицы.

Первоначальный план был прям, как ручка от лопаты: подъехать прямо к дому красотки, войти туда, если надо, преодолев сопротивление слуг и потребовать подробных сведений о любовнике. Если дама пойдет на сотрудничество добровольно – подарить пару камешков, если заартачиться – пригрозить пистолетом. Просто и со вкусом. Но, уже подъезжая к небольшому домику в милом сельском стиле, где, по слухам, жила женщина, друзья неожиданно заметили въезжающий в ворота крытый экипаж. План пришлось менять на ходу. Проехав чуть дальше по улице, они остановились напротив глухой стены, так, чтобы не бросаться в глаза.

– Думаете, сэр, это он? – спросил Денни, пересаживаясь в карету.

– Без понятия... У такой дамочки может быть и не один покровитель, – ответил Рик.

– Но если он только что приехал, значит, останется до утра?

– Или они вместе поедут куда-нибудь «проветриться»...

– А потом вернутся и останутся до утра...

Денни и Рик переглянулись.

– И что, так и торчать тут под этим забором до самого рассвета?

– Если понадобится, будем торчать хоть до греческих календ, – буркнул Рик, без особого, впрочем, энтузиазма.

– Тогда, может быть, поищем местечко повеселее? Какой-нибудь трактир, – предложил смирившийся с судьбой штурман.

– Погоди. Есть идея получше. Ты поищешь местечко, где мы не будем бросаться в глаза. А я постараюсь заглянуть к этой красотке хотя бы в окно.

– Фу, капитан! – Денни изобразил на лице отвращение, – и охота вам ломать шею. Что такого они могут вам показать, о чем взрослый мужчина еще не знает?

– Ну, всегда есть шанс удивиться, – рассмеялся Рик, – по крайней мере, посмотрю, кто у нашей девушки. А потом по обстоятельствам.

– Отличный план, – «одобрил» Дэнни, – самое главное – всесторонне продуманный. Если бы вы так же тщательно разработали наш налет на Сантьяго-де-лос-Кавалерос, мы все уже получили бы в подарок от губернатора по симпатичному галстуку из высококачественной пеньки. Удачи вам, сэр. Я жду вас... – и тут его взгляд упал на приземистое строение, через дом от них. Вывеска, даже в наступающих сумерках, отчетливо запечатлелась красными буквами в мозгу Денни – «Золотая утка».

– Я жду Вас, сэр вон там, – штурман указал рукой на вывеску кабачка, – ровно час. Если не дождусь, действую по вашему же плану, то есть по обстоятельствам.

Рик кивнул и они разошлись...

На улице сумерки почти не ощущались, но здесь, в саду, под плотной сенью грабов, они были уже не смутным обещанием наступающей ночи, а свершившимся фактом. И этот факт был на руку Рiku. Для того, чтобы, перемахнув через забор, больше красивый, чем серьезный, отыскать в полутьме тропинку и пробраться к стене из красно-коричневых камней, где горели спокойным желтым светом два незакрытых окна, ему понадобилось меньше получаса. Освещенная комната (или комнаты) находились на втором этаже, и не было никакой возможности заглянуть в окна, если только каким-то образом вскарабкаться по отвесной и почти гладкой стене... Рик остро пожалел об отсутствии монтерских «кошек», но тут уж ничего нельзя было поделать. Он прижался к стене, стараясь, насколько возможно, слиться с ней, и напряг слух, коль скоро зрение оказалось бесполезным. Неясные поначалу голоса вскоре обрели отчетливость: либо утих ветер, либо он сосредоточился. Либо просто собеседники заговорили громче.

– Он отказался. Прямо и недвусмысленно отказал мне! – голос принадлежал мужчине и показался знакомым. Спустя мгновение Рик опознал Кларка. Иногда слова коверкались, разбиваясь о стекло и до Джеймса долетали лишь короткие обрывки. По всему было видно, что он и она в порыве беседы мерили ногами комнату, то отходя, то приближаясь к окну.

– А ты ожидал чего-то иного? После того, как этот пират облил тебя грязью? – женский голос был резковат, интонации наводили на мысль о том, что его обладательница не чурается крепких напитков... а может даже и табака. Фу! Рик поморщился. Он не любил курящих женщин, еще с прошлой жизни, в далеком теперь двадцать первом веке. И слава Богу, что здесь ему еще встречались курящие дамы. Куртизанки и прочие из вертепов Нового Света не в счет.

Меж тем женский голос на миг отдалился, а потом зазвучал отчетливее. Впрочем, в нем не было ничего неприятного, скорее, его хрипотца была влекущей. И он тоже был знаком Рiku!

– И что теперь прикажешь делать?

– А что делать? Я связан с этой замороженной рыбой со стеклянными глазами «на горе и на радость, пока смерть не разлучит», хм... а ее отец отказывается признать меня наследником и дать все права! – Ричмонд горячился все больше, теперь его голос доносил до Рика все слова.

– Ну и о чем ты так беспокоишься? – перебила женщина, – можно подумать, он в этих наследниках как в гнилых персиках роется, не знает, какого выбрать. Кроме тебя у него не осталось никого, старик это понимает. Подожди немного. Он подпишет завещание, ведь другого выхода у него нет.

– Он может все отписать на благотворительность.

– И пустить по миру свою единственную дочь? Не смей меня.

– Это не смешно, – послышался звук, словно пробку из бутылки вырвали с силой, может быть, даже, зубами. Через пару мгновений мужской голос, изрядно севший, спросил, – Что мне делать, Мишель?

– Ты просто выпускаешь пар, или тебе и впрямь нужен совет?

– Выпускаю пар, но и от хорошего совета я бы не отказался.

Короткая пауза. Рик скорее догадался, чем услышал, как два бокала чокнулись.

– Тогда слушай: прекращай таскаться за юбками, в том числе и за моей и постарайся поладить с женой. Что ты на меня смотришь, будто у меня вторая голова отросла? Эдит – все,

что осталось у старика. Он ее любит и сделает все, что она попросит. Ублажай ее как следует, дари цветы, покупай шляпки. Запудри ей мозги, как ты умеешь. И вспомни, где находится супружеская постель! Для женщины нет более тяжкого оскорбления, чем то, что ты делаешь. Напрягись, милый, пусть она будет довольна. И ты сам не заметишь, как Эдит обработает старика, а ты получишь все что хочешь.

– Но если она забеременеет, Бикфорд объявит наследником внука.

Женщина пренебрежительно фыркнула.

– Можно подумать, ты все еще маленький мальчик, которому нужна няня. Ты не знаешь, как сделать так, чтобы женщина не понесла? Научить?

– Да нет, спасибо, я знаю, – слегка успокоился Ричмонд, – а ты уверена, что это сработает?

– Разве я когда-нибудь давала плохие советы? Поверь мне, и ты выиграешь эту партию.

– Мишель...

– Э, нет, милый. Оставь-ка сегодня свой пыл для жены, – за окнами завопили. Похоже, женщина пыталась освободиться от объятий. Впрочем, не слишком энергично.

– Ты прогоняешь меня?

– Прошу проявить благоразумие. На этот вечер, милый.

– Только на этот?

Звук долгого поцелуя – и хлопок закрывшихся дверей. Ричмонд покинул будуар любовницы.

Капитан все еще размышлял, стоит ли ему попытаться все-таки влезть в окно и порасспросить женщину, или же заняться мужчиной... Когда полуоткрытый ставень почти над его головой распахнулся на всю ширину и хриплый женский голос, который отчего-то казался ему знакомым, прозвучал отчетливо и довольно иронично:

– Вы там не замерзли, сэр? Может, поднимитесь ко мне и выпьете немного коньяка?

От неожиданности Рик слегка опешил, но быстро опомнился.

– Я думал, что вы хотите остаться одна.

– Правильно думал, – так же насмешливо подтвердила женщина, – я пригласила вас только выпить. За остальное мужчины мне, как правило, платят и платят дорого. Ну, поднимайтесь, его экипаж уже отъехал, парадная лестница свободна. Я вас встречу.

«Вот так вот! – покачал головой Джеймс. – У нее звериное чутье. Или я чем-то выдал себя?»

Все еще изумленно качая головой, капитан Рик обошел дом вокруг. Любопытство побуждало его принять это, более чем странное приглашение. Но перед тем, как толкнуть массивную дубовую дверь, он проверил, на месте ли тонкий стилет, который он обычно носил под камзолом, на скрытой петле. Просто на всякий случай.

Неизвестно, что он ожидал увидеть. После ее слов о том, что мужчины платят, и платят дорого за ее благосклонность, Рик был готов к тому, что дверь ему откроет сногшибательная красавица, на которую нельзя смотреть в упор, как на солнце, без риска ослепнуть или потерять последний разум. И маленькое, сухощавое создание с копной темных растрепанных волос он вначале принял за служанку.

– Ну, проходите же, не стойте в дверях, – поторопила она, и заблуждение капитана рассеялось.

Мишель Эктон оказалась старше, чем он предположил. Уже за тридцать, и если в его «родном» веке для женщины это было время расцвета, то здесь – начало увядания. И для нее, безусловно, это было так. Резкое, неправильное лицо чем-то неуловимо отличалось от всех виденных лиц, и скоро Рик сообразил – чем. Морщинками. Сеточкой мелких морщин вокруг глаз и более глубоких – у большого подвижного рта. Обозначились они и на лбу, высоком, может быть даже слишком. До сих пор все женщины, которых он видел, считали своим долгом маскировать даже легкие признаки возраста: крем, пудра, даже рыбий клей. В тяжелом случае

– густая вуаль. Мишель явно считала такие уловки ненужными, лишними. И она была права. Рик и сам не заметил, как попал под обаяние больших темных глаз, смотревших на него в упор, пытливо, без малейшего смущения, настоящего или наигранного.

Ее маленькое, сухое тело было закутано в толстый халат так, что и не угадаешь, что там, под ним. Но порывистые, нервные движения невольно приковывали взгляд.

Что-то в ней, определенно, было.

Она ловко разлила коньяк: себе ту же порцию, что и гостю, и торопливо сжала бокал в ладонях, словно не грела его, как это положено, а сама хотела согреться.

– Как вы догадались, что я стою под окнами? – спросил Рик.

– Это было нетрудно, – она опустила в мягкое кресло перед небольшим комодиком, на котором и было сервировано угощение, – вы так неуклюже двигались через сад и так шумно дышали.

– У вас тонкий слух, – признал Рик. – И вы – смелая женщина. Вы ведь здесь совсем одна – слуг нет?

– Я их не держу, – она пригубила янтарный напиток, – слишком много слышат, слишком много видят, слишком много говорят. Я непривередлива и не ленива, так что вполне могу обслужить себя сама. Так гораздо меньше риска, что какому-нибудь сыну или брату, помешанному на семейной чести, придет в голову избавиться от меня с помощью стилета или не дай Бог пули.

Она сделала какое-то специфическое ударение на слове стилет. На мгновение Рик показалось, что она видит его насквозь. Читает его мысли. Капитан с трудом удержал себя, чтобы не потянуться к своему спрятанному оружию.

– Предпочитаете сталь?

– Уж лучше тонкое жало. Смерть быстра, и мало крови. А пуля – фи. Кругляш свинца и все платье в непотребном виде. А если в голову? – и она сдержанно засмеялась. Едва приоткрыв рот.

– Я вижу, Вы прекрасно осведомлены о современном оружии.

Мишель сделала еще один маленький глоток.

– Отчего Вы не пьете? Согнас из Пуату³ прекрасен. – Она произнесла слова коньяк с истинно французским прононсом. – А оружие... – она изящно махнула ручкой, – оставим на потом.

– Не думал, что ваше занятие так опасно, – признал Рик, и тоже попробовал коньяк. Он на самом деле оказался превосходным.

– Гораздо опаснее, чем ваше, – сказала она. Мишель сидела в кресле, подобрав под себя ноги, и даже немного горбясь, но это ее ничуть не портило а, напротив, странным образом делало ближе и понятнее. Поэтому гость совсем не удивился, а лишь уточнил.

– И много вы знаете о моих занятиях?

– Вполне достаточно для поддержания светской беседы, капитан Рик. Капитан брига «Фортуна». Очень интересного брига. Во многом – уникального.

Если бы на него вдруг обрушилась крыша, удар был бы менее сокрушительным. Рик «устоял» фигурально выражаясь, лишь потому, что сидел. Но глоток коньяка, который он сделал, опустошил бокал.

Мишель это, разумеется, заметила, но ничем не выразила, лишь пододвинула пузатый бутыль и кивнула, призывая не стесняться. Рик так и поступил. Он чувствовал, что допинг необходим прямо сейчас.

Она взяла с ломтик лимона и грациозно мизинцем пододвинула блюдце к Рик.

³ Пуату–Шаранта – традиционный коньячный регион во Франции. Напитки только из этой провинции гордо именуются Коньяк

– Прошу вас не стесняйтесь – угощайтесь.

– Благодарю.

Джеймс и не стеснялся. Он налил ей и себе.

– За встречу.

– За более чем странную, мадам.

Мишель провела языком по небу, смакуя напиток.

– О, не более странную, чем это может показаться. Все в этой жизни имеет свои закономерности.

– Мадам еще и философ.

– Шутить изволите? Хотя о ваших приключениях на Карибах, я с удовольствием бы пофилософствовала. – Она мягко улыбнулась... даже слишком мягко.

Рик налил еще.

– Видимо, в подробности моей биографии вас посвятил господин Кларк, – предположил он.

– Отчасти. Но, направляясь в Англию, я уже примерно знала, кого мне нужно отыскать.

Рик метнул в женщину острый, испытующий взгляд, но то ли промазал, то ли она обладала сверхпрочным щитом: взгляд отскочил от нее, как дротик от медной пластины.

– Я озадачен, – честно признал капитан.

– Чем? – Мишель по-настоящему удивилась, – рано или поздно это должно было случиться, и если вы умный человек, вы должны были это предвидеть. Неужели вы думали, что ваши игры со стальными ядрами никого не интересуют? А эти Ваши многозарядные ружья?

– На кого вы работаете? – прямо спросил Рик.

– На французскую корону. У меня поручение, подписанное месье Кольбером. Если интересуетесь, могу показать.

– Обязательно. Позже, – Рик отставил коньяк и с силой потер вдруг занывшие виски. Он и в самом деле об этом не подумал.

– Почему скромным капером без патента заинтересовался сам Кольбер?

Мишель пожала плечами.

– Станный вопрос, капитан. Вы владеете кораблем, настолько необычным, что он может нарушить хрупкое равновесие сил, которое сложилось между Англией, Францией, Испанией и Голландией. И нарушить не в пользу Франции.

Предупреждение, граничащее с обвинением, было более чем опасным. Насколько мог знать Рик, англо-голландские войны уже отгремели, и на них он не успел, волей случая его закинуло в семнадцатый век несколько позже. А вот война с французами еще только предстояла. Это Яшка Рикович знал наверняка. Однако точной даты не помнил, ибо имел за плечами школьный аттестат с твердой тройкой по истории.

– Кольбер всерьез опасается, что моя «Фортуна» может соперничать со десятипушечным «Солей Ройял»? – Рик покачал головой, – я польщен.

– Что вам может помешать создать целую флотилию? И потом Вы лукавите Джеймс. Стальные ядра пробивают дубовый массив до сорока дюймов.

– До сорока двух дюймов, – поправил ее Рик, чуть склонив голову вперед.

– Вот, – ее рука грациозно вспорхнула над столиком. – Вот видите целых сорок два...

Тут Рик отбросил деликатность и рассмеялся в голос.

– Сушая мелочь, мадемуазель Эктон. У меня денег несколько меньше, чем у французского короля. Эти игрушки, как вы их назвали, настолько дороги, что на «Фортуне» лишь пара пушек заряжается ими. Все остальные ядра на моем корабле – чугун. Опасными их делает точность канониров да репутация моего брига.

– Я всего лишь женщина и не разбираюсь в таких тонкостях, – проговорила Мишель, – мое задание заключалось в том, чтобы найти вас и предупредить – пока вежливо: стальные ядра

должны остаться монополией французской короны. Если «Фортуна» продолжит их получать... вас устроят, капитан.

Больше изумленный, чем возмущенный, Рик оглядел маленькую женщину с ног до головы.

– Я буду очень внимателен и острожен, – сообщил он. – Во всяком случае я буду стараться.

– Наверное, так, – согласилась она, по-прежнему не проявляя никаких признаков страха или волнения, – но везти вам будет не всегда. Один раз вы опередите руку короны, второй... может быть даже пятый. Но людей много, в отличие от стальных ядер. В конце концов, одиннадцатый или же двадцать седьмой подосланный человек окажется быстрее или хитрее вас. Подумайте об этом. Ссорится с королями опасно и невыгодно, капитан Рик.

Свечи на столе затрещали от ветра, который проникал в приоткрытое окно.

– Если я скажу «нет»...

– Вы начнете войну, – подтвердила Мишель, – войну, которую вам не выиграть.

– Но я могу сопротивляться довольно долго. Настолько долго, что положение может измениться. Не в пользу французской короны. Или не в пользу месье Кольбера...

– Я всего лишь женщина, – повторила Мишель, – и мое задание заключалось лишь в том, чтобы найти вас и предупредить, что вы сильно рискуете. Решение за вами.

– Только предупредить – и все? – не поверил Рик, – Никакого яда в бокале? Никакого выстрела в спину?

– Не мое амплуа. Для этого есть другие люди. Пейте смело, это дорогой напиток, и я угощаю вас от всего сердца. Мне нравится ваша храбрость.

– Я начинаю понимать, за что мужчины платят вам деньги, – произнес капитан, задумчиво разглядывая стену позади нее, – искренность – это дорогой товар. Я не так богат, как Луи, но, пожалуй, я бы вам тоже заплатил, если сойдемся в цене. Скуп я не буду.

– Что за товар вас интересует? – подобралась Мишель, – предупреждая сразу, против Франции я ничего делать не стану.

– Да, я помню... «ссорится с королями невыгодно». Нет, мадемуазель Эктон, мне нужно нечто совсем другое. Это не вопрос государственной политики, это семейное дело. Но оно для меня важно. Ричмонд Кларк выдал тайну нашего предприятия... вам?

– Да. И получил за это вексель французского национального банка на десять тысяч франков.

– А доказательства? Существуют?

– Его расписка, – кивнула Мишель.

– Я могу ее выкупить?

С минуту женщина сосредоточенно размышляла, взвешивая возможные выгоду и опасность. Рик старался ей не мешать.

– За тысячу фунтов один человек, за которого вы поручитесь, сможет на нее взглянуть. Здесь. При мне. Один день. Завтра, – решила Мишель и поднялась с кресла, давая понять, что разговор окончен.

Уже выходя за ворота, Рик вдруг сообразил, что именно показалось ему в этой женщине таким странным и даже знакомым. Мишель Эктон была как две капли воды похожа на великую Эдит Пиаф. Даже голос... Особенно голос.

Глава третья

Враги

Англия, Британская Империя, август 1680 года

– Джентльмены, у вас есть последний шанс принести друг другу извинения и разойтись миром. Вы отказываетесь? Тогда я объявляю поединок до первой крови, – рослый, довольно флегматичный господин, секундант Кларка, взмахнул белым платком...

Со времен Елизаветы в Англии за дуэли вешали, но когда такая мелочь, как угроза петли, могла остановить молодых людей, желающих подраться?

После встречи с Мишель и прочтения (он сделал это раза четыре) подлинной расписки зятя, Адам Бикфорд почти утратил свое знаменитое хладнокровие. Он сидел в экипаже с видом человека, который не чувствует под ногами земли. Негоциант постарел лет на десять. И когда он, довольно резко и совсем не вежливо, выразил желание побыть в одиночестве, молодые люди, переглянувшись, покинули карету.

Ночь застала их напротив знаменитой таверны «Золотое руно» возле «Ковент-Гарден». Это заведение было популярным среди молодых аристократов, желающих скандальной известности. Веселые попойки и жестокие драки здесь, бывало, заканчивались смертью отпрысков благородных фамилий, поэтому кутить в «Руне» у юных идиотов Лондона считалось признаком отчаянной храбрости.

Рик и Денни толкнули двери, все еще удивляясь, что делают такие респектабельные пираты как они в таком месте, как здесь, где царил культ шейных платков, длинных генеалогий и глупой смерти. Но ужинать-то где-то надо, а в «Руне» готовили вкусно и, в отличие от клуба, рекомендательных писем и дворянских грамот не требовали: были бы посетители прилично одеты и платежеспособны.

В таверне было несколько комнат. Следуя наитию, моряки выбрали нижний общий зал, где, похоже, собиралась публика попроще. Час был довольно поздний, но, не смотря на это, народу хватало. Впрочем, свободные места тоже были, и друзья сочли это хорошим знаком. Заказав баранину (что ж еще заказывать в такой таверне?) они расположились за столом, и, согласно неписанным правилам этого заведения, выложили на стол свои шпаги, на треть вынув клинки из ножен. Это должно было послужить предупреждением любителям подраться: посетители – люди серьезные, пришли сюда по делу и отвлекаться не желают. Но в случае чего смогут постоять за себя.

Заказ принесли довольно быстро, видно, баранину здесь заказывали часто и повар постоянно держал на огне несколько аппетитных кусков, ему оставалось лишь полить их соусом и посыпать зеленью. Мясо оказалось превосходным, сочным и не жестким, а поданное к нему вино выше всяческих похвал, и уставшие за день, проголодавшиеся мужчины с удовольствием отдали честь здешней кухне.

Черти занесли их сюда в этот час! Во всяком случае, увидев еще одних припозднившихся посетителей, входящих в зал, и опознав в одном господина Кларка, Рик подумал о нечистой силе.

– Ну что нам стоило поужинать в другом месте, или хотя бы выбрать другой зал! – в сердцах бросил он, откладывая вилку. Проследив за его взглядом, Денни кивнул.

– Очень не вовремя.

– У меня пропал аппетит, – буркнул Рик.

– В таком случае, может быть, расплатимся и уйдем? – внес разумное предложение Денни Расвен, – не знаю как у вас, сэр, а у меня нет ни малейшего желания несколько ближайших месяцев провести в тюрьме. Говорят, условия там ужасные.

– Ну, герцогу Бэкингеу носили еду из ресторана и даже приглашали музыкантов, когда он сидел в Тауэре, – припомнил Рик кое что из истории.

– Нам с вами Тауэр не светит ни при каком ветре, – заметил Денни, – мы-то не герцоги. Это будет общая камера в Ньюгейте, без постельного белья, зато с крысами, размером с кокера. И разбирать наше дело будет не суд двадцати девяти пэров, а люди попроще, которые пудрят парики за жалование. И они быстро придут к доброму согласию, что с нами делать.

Рик уже хотел было согласиться с Денни, но благоразумие опоздало. Кларк их заметил и, что-то вполголоса сказав спутнику, направился прямо к морякам.

– Доброй ночи господа, – произнес он со своей обычной, чуть отстраненной улыбкой, – довольно странно встретить вас здесь.

– В «Руне» хорошо готовят, – дипломатично ответил Рик, и, не смотря на то, что у него пропал аппетит, потянулся к недоеденному мясу.

– О, да! – согласился Кларк, – готовят здесь хорошо, причем не только баранину, но и вещи более горячие. Например, внезапная и трагическая кончина барона Морли была приготовлена именно здесь, и с большим искусством.

Рик снова отложил прибор и ОЧЕНЬ внимательно посмотрел на Кларка.

– К чему этот экскурс в историю? Вы пытаетесь нас предупредить или запугать?

– Ни то, ни другое, – Ричмонд снова продемонстрировал свою «фирменную» улыбку не разжимая губ, – но, видимо, вы плохо знаете историю своей страны, капитан Рик. Иначе вы бы знали, что барон Морли под предлогом религиозных убеждений восемнадцать лет уклонялся от поединка с графом Нескотом. Пока случайно не забрел в «Золотое руно»...

– Восемнадцать лет? – Рик уважительно присвистнул, – Силен, мужик. У меня бы терпение лопнуло.

– Я рад, что на многие вещи мы смотрим одинаково. Итак, почему бы не сейчас?

– Прямо здесь? – удивился Денни.

– Ну, господа, не будьте такими неизлечимыми провинциалами, – Ричмонд снова раздвинул губы, эта его привычка начала порядком раздражать моряков, – мы ведь в Лондоне. Здесь отношения принято выяснять на Линкольн-Инн. По счастливому совпадению это в двух шагах отсюда. Надеюсь, ваш друг сможет быть вашим секундантом? Он не боится крови?

– Чтобы у тебя было столько фунтов, сколько свежих покойников я видел на своем веку, – фыркнул Денни, и на этом дело решилось.

Пройдя сквозь арку с Дюк-стрит на Линкольн-Инн, молодые люди вышли к церкви Темпла и довольно большому, забавному зданию из красного кирпича, похожему на пряник с глазурью. В этот час на площади никого не было, окна домов были плотно закрыты ставнями, а празднующиеся ночные сычи, должно быть, как раз укладывались спать.

Секунданты измерили шпаги и еще раз обговорили все детали поединка. Приятель Кларка взял на себя обязанность подать сигнал к началу дуэли, видно было, что эта роль ему привычна. Что ж. Денни так же привычно отступил на несколько шагов и обвел внимательным взглядом небольшую площадь, отмечая все входы и выходы и возможные пути отступления. А потом стал внимательно следить за переулками, не покажется ли в одном из них городской караул.

Рик, потянувшийся, было, к пуговицам камзола, чтобы сбросить его для свободы движения, заметил, что его соперник этого не сделал, а встал в позицию как был – полностью одетым и в башмаках. Пожалуй, в эту секунду, Рик впервые почувствовал легкое сомнение, уж больно уверенно держался Кларк. Но пути назад все равно не было, и он встал напротив, отсалютовав шпагой.

С первых же секунд Рик понял, что все соперники, с которыми он до сих пор имел дело, были лишь учениками в той школе, где Ричмонд мог бы преподавать. И, что хуже всего, Рик почувствовал, что и сам недалеко ушел от этих школьников. Кларк как будто не делал ничего

особенного, лишь парировал удары, сам атаковать пока не спешил, но делал это так расчетливо-небрежно и почти издевательски красиво, что даже законченный глупец сообразил бы, что с ним просто играют. Кончик шпаги мелькнул у его глаз, в такой опасной близости, что Рик, отпрянув, невольно выругался. Проклятье! Так дело не пойдет, иначе этот бретер его просто заколет, как рождественского гуся. Проблема была в том, что Рик решительно не видел возможности, как заставить дело пойти по-другому. Единственное, что могло его спасти – навыки борьбы без оружия, которые он принес из своего времени, и которые Ричмонд не знал, не мог знать! Но как их применить, если соперник все время держит его на расстоянии, пользуясь тем, что шпага длиннее руки. Ему не дотянуться до соперника ни рукой, ни ногой...

Ричмонд сделал обманное движение и выполнил классический длинный выпад. Только чудом и молитвами Денни Расвена, который следил за поединком прикусив нижнюю губу, Рик удалось уйти с линии атаки. Он вовремя отставил левую ногу назад и в бок, сделав полуоборот. Ах, как же близко оказалась морда Кларка, но Джеймс сдержался от боксерского хука, ибо это в корне противоречило дуэльному кодексу. Будь это где-нибудь на Карибах, уж он бы не преминул. Но сейчас...

И все же противник превосходил Рика в мастерстве. Кларк со злой ухмылкой быстро исправил свою ошибку. Он резко взвинтил темп смертельной игры. Шпага в его руках жадно рассекала воздух.

Прошло всего пару минут с начала поединка, а Рик вспотел, как после сауны. Он вертелся, как юла, как ужаленный дикими пчелами. Он парировал, уходил, отбегал... «Все. Вот сейчас... Позор, – подлые мысли против его собственной воли лезли в голову». Ричмонд напирал. И Яшка Рикович решился! Решился несмотря на то, что сидящий внутри капитан Джеймс Рик был против. Ах, благородный мистер Рик.

В момент решающей атаки, когда шпага Ричмонда вот сейчас, неизбежно должна была пробить горло Рика, тот резко присел и рубанул наотмашь по ногам врага. Удар получился хлестким, и хоть его шпага и не была предназначена для рубящих ударов, эффект был достигнут. Ричмонд подпрыгнул, как ошпаренный.

– Ах ты ублюдок!

Секунданты было кинулись разнимать дуэлянтов, но!

– Крови нет! – во весь голос заявил Ричмонд. – Продолжим!

Секунданты отошли, а Рик вновь пришлось занимать позицию. В голове зрел новый план. Кларк едва заметно захромал, Джеймс решил использовать этот шанс.

В следующее мгновение они одновременно начали движение вперед. Ричмонд почти вальсировал, а Рик пер напролом. Нервы секундантов напряглись, вытянувшись в тонкую струну, готовую вот-вот лопнуть. Как две шпаги миновали свои цели, одному Богу известно, но Яшка не удержался. Он плечом навалился на противника, намереваясь сбить его с ног. Кларк дернулся в сторону, попытался оттолкнуть Рика. Джеймс вскинул правую руку... шпага Ричмонда пошла снизу вверх... Кто-то из них споткнулся... Шпаги неуклюже порхали в руках. Ричмонд схватил своего оппонента за рукав, Рик вцепился в ворот рубашки Кларка и... они упали. Что хрустнуло, звякнуло...

– Сука! – чистый русский прозвучал впотьмах, как пушечный выстрел.

Ричмонд повторил тоже самое, только по-английски, но не менее выразительно.

– Ах, ты паразит недоделанный, чтоб тебя сволочь вши заели, – Рик бранился весьма виртуозно, при этом двумя руками зажимая правый бок. Рубашка быстро намокала...

Кларк стремительно вскинул оружие, но узрел лишь обломок.

– Ну ты у меня дождешься! – Рик, встал на колени, схватил шпагу и начал разворачиваться к противнику.

Ричмонд, все еще не выпуская испорченную шпагу, правой рукой прикрывал левое плечо. Он изумленно смотрел на Джеймса и искренне не понимал на каком языке тот браниться.

Какую-то секунду Джеймс замер, узрев в руке своего недруга обломок оружия. Как они при падении умудрились нанести друг другу раны, Рик искренне не понимал. Но ясно видел, что обломок шпаги сыграл с ним злую шутку. Этим огрызком Ричмонд и пропорол ему бок. Обидно, досадно. Короткая мысль утешения сверкнула, как надежда – все же и он задел плечо Кларка. Пусть не сильно, не глубоко, но крови было достаточно. Рик заскрежетал зубами.

– Вы оба ранены. Господа – это ничья! – поспешил заверить секундант Кларка и бросился между дуэлянтами.

– Да иди ты Гарри... – Ричмонд с трудом поднялся.

– Стой упырь! Тьфу... Стой, говорю! – только тут, Рик перешел на понятный всем язык. – Стой!

– Караул, – в это время неожиданно крикнул Денни, – их четверо и они идут прямо к нам.

– Тьфу. Надо уходить, – Ричмонд смачно сплюнул себе под ноги. – И бросив последний взгляд на соперника, с сожалением произнес, – Повезло тебе, сопляк.

– Может, это тебе повезло? – процедил Рик, зажимая ладонью кровоточащий бок. Борясь с головокружением, вызванным большой потерей крови, он пытался встать, но ноги, ставшие вдруг словно тряпичными, отказывались слушаться.

– Капитан, нужно уходить. Быстро, – Денни, подхватив его под мышки, сделал попытку шагнуть в один из многочисленных переулков, но Рик застонал, вздрогнул всем телом и тяжело обвис на руках у штурмана. В отчаянии Денни покрутил головой, ища выход. Караул приближался, и, видно было, что их заметили: солдаты изменили первоначальный курс к церкви и теперь направлялись прямо к ним. Денни еще раз обернулся – Ричмонд с его секундантом уже успели исчезнуть и площадь была совершенно пуста. Понятно, какие выводы сделают власти: два человека дрались на шпагах. Один из них ранен. Поскольку секундантов нет – это был поединок без правил... Их обоих ждет петля!

Рик прибывал без сознания. Тащить его Денни не мог. Поэтому он сделал единственное, что оставалось – аккуратно положил друга на мостовую и, прошептав: «Простите, сэр, это вынужденная мера...», метнулся к пряничному зданию. Мгновение – и он зайцем перескочил через черную чугунную решетку. Сзади послышался топот и Денни припустил изо всех сил. Он должен был во что бы то ни стало добраться до Бикфорда раньше, чем королевское правосудие вынесет приговор его капитану. Теперь огромные связи старика были его единственной надеждой.

* * *

Рик пришел в себя от того, что на закрытые веки упал солнечный луч. Он пошевелился, пытаясь переменить положение, но тут же непроизвольно охнул: правый бок дернуло резкой болью. Почти тут же он понял, что лежит на чем-то довольно жестком, и ему неудобно. Но руки, судя по всему были не связаны, значит... Что это значит? Все, что угодно. С непривычной для себя осторожностью Рик открыл глаза. Над головой маячил серо-бурый каменный свод, вокруг стены «из того же материала», под самым потолком светлел маленький полукруг неба, забраный тяжелой решеткой. Совершенно непонятно, зачем: даже если бы и имелась возможность добраться до окошечка по гладкой стене, размер ее был таков, что пробраться сквозь него мог бы разве некрупный котенок. Если только веревку привязать... Прутья-то тут ничего, толстые. Выдержат даже министра, лорда Хэя или виконта Питта.

Эта не слишком позитивная мысль пришла к Рiku под влиянием обстановки более чем скудной. Из всей мебели здесь была массивная дверь, похоже, из дуба, большой кувшин в углу

(судя по запаху, определенно не для умывания), и лавка, покрытая клочковатым травяным матрацем, на которой лежал моряк. В комнате он был один.

Рик попробовал сесть и ощутил новый толчок боли и сильное головокружение: все симптомы сильной потери крови от колотой раны. Вчерашняя ночь припомнилась в мельчайших подробностях и эти подробности заставили Рика еще больше побледнеть от злости... И, чего там скрывать, от себя-то – от стыда. Да! Зять Бикфорда отделал его знатно. И, что самое обидное, не прилагая к этому никаких усилий. А ведь Рик так гордился своими успехами в фехтовании, с таким достоинством носил шпагу, которая, наконец-то, перестала хлопать по ногам и раздражать при ходьбе, превратившись в естественную деталь его нового костюма.

Но что произошло? Кларку удалось его ранить – это понятно, и он тоже вроде достал его. А что потом?.. Куда делся Денни? Кажется, появился караул... Тогда понятно, штурман принял единственно верное решение, сбежал с места дуэли, оставив своего капитана на милость солдат. Он знал, что эти brave ребята не оставят человека на улице Лондона истекать кровью, а, оставшись на свободе, он мог скорее помочь другу.

На свободе... А Рик где? Судя по обстановке, все-таки это Тауэр. Большая честь! Незаслуженно большая... Видно, подобрав раненого на месте, где обычно дерутся отпрыски столичной знати, солдаты приняли Рика за одного из них. Стоит ли оставить здешние власти в заблуждении?

Рик попытался поменять положение. Боль в боку немного поутихла – спасибо хоть перевязали. Рана не была опасной, но причиняла сильное беспокойство – двигаться было крайне неудобно. Да, что там, просто затруднительно. Это было плохо. Рик осторожно ослабил узел. Импровизированные бинты, за ночь напитались кровью, но слава богу, рана больше не кровоточила. Отогнув край повязки Рик попытался сам осмотреть рану. Запекшаяся сгустками кровь... рваные края, но главное гноя не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.